

ОЛЕГ ДИВОВ

НОВЫЙ МИР

ПРОФЕССИЯ: ИНКВИЗИТОР

Олег Игоревич Дивов
Новый мир
Серия «Профессия:
инквизитор», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11950357
Новый мир / Олег Дивов: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-84105-9

Аннотация

Они начали убивать и уже не остановятся. Им надо быстро ликвидировать тех своих, кто больше не нужен, и всех чужих, кто стоит на пути. Федеральная безопасность едва успевает считать трупы, и никто не понимает, какова главная ставка в этой смертельной игре. Счастье для всех? Не смешите, говорит Делла Берг, вас надули. Вопрос – чего ради.

Да, жизнь в либеральной утопии не проста. Большие возможности, но жесткие рамки. Никто не умрет с голоду, но мало кто добьется настоящего успеха.

И обычного человеческого счастья вам точно не обещали.

Но для униженных и отчаявшихся, для всех, кого общество вытолкнуло за борт, есть выход. Надо только понять, что твой мир зашел в тупик и так дальше жить нельзя. В прекрасном

и справедливом Новом мире последние станут первыми, а все остальные – равными.

Ради этого стоит убивать и умирать?

Содержание

Часть 1

6

Конец ознакомительного фрагмента.

104

Олег Дивов

Новый мир

© Дивов О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Часть 1

– Черт, – вздохнула Нина убито. – Черт! – отбросила смятую травинку и раздраженно сорвала новую.

Мы сидели на берегу. Великая шотландская река Твид катила мимо свои древние волны. И наплевать ей было, что тут две растерянные молодые женщины ждут полицию. И плевать, что у самой кромки воды лежит труп. И уж тем более ее не волновало, что в развалинах баронского замка сибирский киборг охраняет осколки робота-снайпера нефедерального производства.

Она текла себе и текла. Как текла две тысячи лет назад и как будет течь через тысячу лет, когда про двух женщин, труп, киборга и робота все позабудут.

– Дел?

Я кивнула.

– Август скоро вернется? – с надеждой спросила Нина.

– Понятия не имею.

– Черт.

Я промолчала.

– А ты без него точно не можешь заключить договор о расследовании?

– Почему не могу? Могу.

– Слушай, я просто не в курсе: если я, например, заключаю с тобой договор, я обязана что-то говорить полиции?

– Ты и так не обязана. Это задача детектива – убедить тебя помогать следствию. Другое дело, что молчание может сработать против тебя.

– Нет, нет. Вот смотри: я тебе расскажу все, а полиции могу не рассказывать вообще ничего? Это не будет использовано против меня?

– Если у полиции будет подозрение, что ты виновна, тебя задержат в любом случае.

– Да это фиг бы с ним... Ну то есть не совсем... Присмотришь за моим сыном, если что?

Я тоже потянулась за травинкой.

– Что ты натворила?

– Да я ничего. Не, честно. Просто я знаю этого парня. Его зовут... звали Мигель Баш. Ты не думай, он мне даже не нравился. И я ему... не знаю, но вел он себя так, словно у меня нет пола. Странно для эльдорадца, да? Они ж горячие, строят глазки всем подряд, а он эльдорадец. Беженец. Прости, я так скомканно... Короче, мы знакомы. И я думаю, его убили из-за меня. Он мне одну тайну доверил, не тайну даже, а так, намек, а я... Ну, у меня был сложный период, ты знаешь, в общем, я проболталась. Да нет, это не то, что ты думаешь, там была угроза для другого человека, я его предупредила. А могли подумать, что это сделал Мигель. И теперь его убрали. За длинный язык. А я не могу, вот хоть режь меня, не могу этого рассказать в полиции. Потому что полиция только начнет, а потом за дело возьмутся федералы, и Йен

все узнает...

Ничего себе детектив, подумала я. Какие, однако, знакомства у нашей примадонны. Что за чушь... Идиотизм... Давно никому не удавалось так меня ошарашить. Мигель откровенничал с Ниной? Зачем? Хотел передать сообщение? Кому? Мне? Ладно, разберемся. Сейчас надо эту дуреху выручать.

– Притворяться умеешь?

– Что? А, да, конечно. Я невеликая актриса, но любой, кто выходит на сцену, немного того... актер...

– Тогда рыдай, – очень равнодушно посоветовала я, уже заметив вдали полицейскую машину.

– Рыдать? А, поняла.

И сидит, главное дело, глазами лупает.

Я пихнула ее в бок:

– Ты плакать будешь или как?!

Нина тут же зашлась в самой натуральной истерике, какую я только видела. Ничего себе «невеликая актриса»! Я обняла ее за содрогавшиеся плечи и тихо зашептала на ухо:

– Ты ничего не знаешь. Ты в шоке. Ты известная певица, тонкая натура. На тебя напали собаки, потом ты увидела, как убили человека. Ты вообще его не разглядела, не знаешь, встречались ли вы когда-нибудь или нет. Тебе не до того было, чтобы разглядывать. Ты сначала решила, что он ранен, поэтому помогла мне вытащить парня из воды и перевернуть. Но когда увидела рану, потеряла душевное равно-

весие. Тебе нужен покой и тишина. Ты на адреналине еще побегала за мной, уже ни черта не соображая, а сейчас у тебя отходняк. Ты...

– Да знаю я! – сквозь зубы и рыдания процедила Нина. – Вообще, пусть спросят у ребят с Эвереста, какая я нервная!

Будут они спрашивать, как же. Вот прямо вижу, как полицейские узнают у своих коллег с Эвереста, правда ли Нина Осси способна разрыдаться при виде трупа. Скорей уж их заинтересует мое прошлое. А мое прошлое такое, что лучше бы вовсе не заикаться о нем.

Хотя... А почему, собственно говоря, нет?

И я набрала номер федерального агента Харрис.

* * *

Вера Харрис, аккуратная женщина не первой молодости, была все еще очень привлекательна. Чуть выше среднего роста, сухощавая, гладкая и строгая. Ровная стрижка в стиле «маленькая головка» облегла ее правильный череп буквально волосок к волоску. Приличная прямая юбка из твида достигала точно середины колена. Макияж – сдержанный, в естественных тонах. Жакет – самую малость притален, и то потому, что старомодно длинный. Был бы прямым – казался бы мешковатым, это непроизвольно притягивало бы взгляды, а Вера не хотела ничего притягивать. Она всегда точно знала, чего хочет. На работе – только агент.

Дома – только жена и мать. Я ни капельки не сомневалась, что, придя домой, она снимает твидовый костюм и прячет его в самый темный угол гардероба, надевает платье в цветочек или даже шелковое кимоно, смывает с гладкой головы средства для укладки волос и превращается в растрепанную веселую птичку с ласковой кличкой Лоло или Виви. Идет готовить ужин для семьи, используя рецепты бабушки, играет с детьми в куклы, а с мужем перед сном – в покер на раздевание. Но все это – лишь до того момента, когда утром включается будильник. Тогда она принимает душ, уходит в гардеробную – и перевоплощается в агента Харрис.

Мне очень нравилась эта женщина. Иногда я мечтала, что уйду от Августа, попрошусь к федералам и буду у Веры стажером.

Мы по-прежнему сидели на берегу реки. Для нас с Ниной принесли раскладные стульчики. Нина так вошла в роль, что ее разобрал нешуточный озноб. Она кутала плечи в три шерстяных одеяла, грела пальцы о большую кружку с горячим чаем и всхлипывала с раздражающей регулярностью. Как машина. Каждые тридцать секунд – хлюп-хлюп. Агент Харрис при встрече оглядела ее с нескрываемым сомнением, ничего не сказала. И вопросы она задавала только мне.

Хлюп-хлюп.

Вера Харрис стояла, обхватив себя за локти, между мной и кромкой речной воды. Она не предложила вызвать врача для Нины. Она отогнала от нас полицию и неведомо откуда

взявшуюся пару местных репортеров-любителей. Я рассказала ей в точности все, как было: мы с Ниной шли по берегу, увидели молодого человека, он удил рыбу, на нас бросились его собаки, Василиса задала им взбучку, и тут – бац! Бац!.. Все по-честному, вплоть до того момента, как мы нашли Василису, убившую робота-снайпера в развалинах баронского замка. Что случилось дальше, для расследования значения не имело. Мы с Ниной – просто случайные свидетельницы. Видели и знаем ровно столько, сколько любые две местные женщины на нашем месте. Да, конечно, я много раз встречала этого парня. Он тут удил рыбу ежедневно. Конечно, я знаю, где он живет, бывала в том бутике, все мечтала подобрать себе ботиночки для прогулок по холмам. Нет, не подобрала. Однажды почти уже купила, но цвет не подошел. Да, убитый был приметным человеком. Во-первых, никто в Пиблс не ходит на рыбалку каждый день. Во-вторых, эти его невоспитанные собачонки запомнились не только всем соседям, но и каждому, кто вздумал бы прогуляться по этому берегу реки. Где собачки? Не знаю, наверное, домой удрали.

Хлюп-хлюп.

Мне уже хотелось стукнуть Нину. Она могла выбрать что-нибудь другое, если так уж надо симулировать стереотипию на почве стресса. Подозреваю, моя улыбка была вовсе не сочувствующей, когда я рассказывала Вере Харрис о тонкой нервной организации знаменитой певицы Нины Осси. Ко-

нечно, я припомнила и события на Эвересте, когда Нина оказалась в составе нашей группы, обстрелянной неизвестным снайпером.

Хлюп-хлюп.

Я строила планы изощренной мести. По возвращении в поместье Нина наверняка попросит бренди. Фиг ей будет, а не бренди.

Хлюп-хлюп.

– Мисс Берг, – сказала вдруг Вера Харрис, – а вы имеете право подписывать договоры на расследование в отсутствие вашего босса?

– Да, – ответила я, отметив заодно подчеркнутую официальность тона и обращения.

Вообще-то мы с Верой были на «ты». Познакомились при печальных обстоятельствах – я в качестве свидетеля убийства, она в качестве агента. Но уже при следующей встрече оказалось, что у нас много общего. Когда я вернулась из Шанхая, мы случайно встретились с ней в городе, разговорились. При посторонних Вера соблюдала некоторые формальности в общении, разумеется, однако ж не настолько официозные.

– Понятно, – сказала она. – Может быть, это и к лучшему. В таком случае... – она еще раз оглядела Нину, – не буду вас задерживать. Надеюсь, что вы еще погостите в нашей славной стране.

– Я собираюсь пробыть здесь до возвращения моего босса.

Если мне потребуется выехать, я поставлю вас в известность.

Вера покосилась на Нину. О ней она не сказала ничего. И даже не намекнула, что рассчитывает на сотрудничество со мной, если я что-то выну из Нины.

Нас с Ниной давно уже ожидал Лур – я сообщила в поместье, что случилась беда, и мне немедленно прислали стюарда. Так, на всякий случай, чтобы под рукой был вышколенный слуга. Мы вернули полицейские одеяла, Лур тут же укутал Нину толстым пледом, подставил ей руку для опоры и бережно повел по дороге к поместью.

Хлюп-хлюп.

– Прекрати, – прошипела я сквозь зубы. – Твои всхлипы меня бесят.

– Не могу, – так же тихо, но злобно ответила Нина. – Одеяла ни фига не шерстяные, а синтетические, а у меня на эту дрянь аллергия. Скажи еще спасибо, что я вытерпела, пока ты чесала языком. Не могла поскорей отделаться?!

Я посмотрела на нее внимательно. Толстый, распухший красный нос, глазки-щелочки, лицо в пятнах. Лур немедленно подал ей платок:

– Хлопковый, мисс Осси. Ни одной синтетической ниточки. А плед – чистошерстяной.

Изготовлен в точном соответствии с шотландскими традициями, включая окраску растительными средствами.

Хлюп-хлюп.

– Спасибо, Лур.

– И конечно, тебе сейчас потребуется врач, потому что при себе нет ничего от аллергии. На этом основании ты откажешься от всяких рассказов.

– Слушай! – возмутилась Нина. – Между прочим, мне плохо! У меня через час отек гортани будет! Врач на фирме не нужен, и лекарства у меня есть. А что мне нужно, так это глоток бренди с чаем. И спать. И еще договор на расследование!

– Что тебе нужно расследовать?! Дура, ты ж свидетель! Ты не жертва, не убийца...

Хлюп-хлюп.

– Я еще какая жертва. Между прочим, меня шантажировали!

– Какой интересный поворот событий.

– Друзья вот этого парня, убитого!

– Рассказывай, пока идем.

– Завтра. Сейчас не могу. – Хлюп-хлюп. – Завтра я оклемаюсь и все расскажу. Я хоть морально приготавлиюсь... Делла, ты ж не понимаешь, мне, чтоб рассказать, надо хоть с мыслями собраться, а у меня одни эмоции! Тебе факты нужны, а не мое нытье! Ну и погоди, я их вспомню, эти факты.

Почему-то я ничего другого от Нины и не ожидала.

Плохи мои дела.

Не знаю, есть ли еще одна профессия, кроме разведчика, где внезапное повышение по службе означает, что у тебя проблемы. Точнее, у кого-то проблемы, и этот кто-то решил: самое оно свалить их на тебя и умыть руки. А уж когда ты это повышение никак не должен получить – по объективным причинам, – можно смело оповещать родню, что на тебя упал катаклизм вселенского масштаба.

Я держала в руках красиво оформленное письмо из министерства. Меня повысили в звании, присвоив чин майора.

Нет-нет, я объясню всю нелепость происходящего. Наши вооруженные силы устроены чрезвычайно замороченно – когда я, например, рассказывала китайцам, они даже удивлялись. Наивные парни думали, что у них сложно и трудно. Куда им до нас.

Во-первых, у нас система параллельных званий. К примеру, можно быть пехотным лейтенантом и полковником военно-космического флота. Запросто. В колледже ты получаешь образование по узкой специальности, дослуживаешься, к примеру, до капитана, переходишь в другие войска – и там снова лейтенант. Причем тебя ждет стажировка с последующей аттестацией – поскольку образования по новой узкой специальности у тебя нет. Базового колледжа вполне доста-

точно, чтобы тебе не пришлось заново изучать теорию военного дела, а что касается практики, то ты изучишь ее на месте. Пока стажировешься. Исключение – если тебя переводят приказом командования с сохранением воинского звания. Но переаттестация все равно будет.

При этом у нас есть «гражданские» звания. Они присваиваются согласно занимаемой должности. Например, губернатор или владелец колонии – всегда полковник внешней обороны. Что характерно, тут не предусмотрено ни обучения, ни аттестации. Предполагается, что человек посетит хотя бы краткосрочные курсы по отражению внешней угрозы, но на практике в каждой колонии либо есть «зам по войне», профессиональный военный, либо сам владелец-губернатор в прошлом боевой офицер. Звание налагает обязанности, за неисполнение которых дерут три шкуры, а могут и освободить от занимаемой должности – если это работа, а не владение. Ты должен курировать местный волонтерский полк, регулярно проводить учения, следить за состоянием оборонных колец и так далее. Тем не менее в случае реальной войны такие «полковники» будут командовать разве что теми самыми волонтерскими полками, ну и руководить гражданской обороной. А всем прочим займется присланный из министерства офицер.

Мой босс, Август Маккинби, ставший герцогом Клариийским в шесть лет, немедленно получил соответствующее звание. Смешно – шестилетний полковник, но в гражданской

обороне и не такие курьезы случались. Погоны старшего офицера вовсе не помешали Августу принять участие в реальных боевых действиях в качестве солдата. Кстати, что надо по внешней обороне, он знает, способен сдать экзамен на полноценное звание в любой момент, и свои обязанности выполняет сам, хотя зам по войне у него тоже есть. Я, чуть больше года назад превратившись в княгиню Сонно, первым делом поменяла зама по войне – потому что хоть и имею представление об организации защиты планет, но не хватает ни времени, ни сил. Заместителем у меня служит полковник инженерных войск, замечательный старик.

Во-вторых, у нас «рекомендации» имеют силу закона. Например, теоретически ничто не мешает человеку дослужиться от лейтенанта до генерала. На практике после капитанского звания карьера останавливается. Потому что есть рекомендация о повышении профессионализма среднего офицерского состава. То есть ты нипочем не получишь майора просто за выслугу лет или даже боевые заслуги. Тебе дадут это звание после того, как ты закончишь магистратуру. В магистратуру ты можешь попасть по направлению командования, за государственный счет, или же за свой счет, что безумно дорого. Само собой, подавляющее большинство офицеров так и уходит на пенсию капитанами. Все они – выходцы из небогатых семей, едва накопили на военный колледж, живут исключительно на то, что им полагается по контракту, на магистратуру денег нет и не будет. А командованию,

естественно, больше делать нечего, как направлять в магистратуру человека без выдающихся способностей.

На Фронтире эту проблему решают своеобразно. Есть несколько колледжей, которые проводят так называемые курсы повышения квалификации. Обучение там не требует отпуска со службы. Другими словами, это полная фикция. Но офицеров, которые получили майора после таких курсов, никуда, кроме Фронтира, на службу не берут.

Эти сложности – неспроста, и в таком подходе, если разобраться, ничего дурного нет. Он позволяет отсеять сознательных лузеров, у которых хватает терпения служить, но нет желания развиваться. Девяносто процентов офицеров это люди, которые не особенно любят свою профессию, они выбрали армию, потому что так проще получить хорошую федеральную пенсию, да и вообще – служба размеренная, жильем, пайком и страховкой обеспечивает государство. И можно решительно ни о чем не думать, а просто тупо исполнять приказы. Раньше такие деятели дослуживались до полковника, от них уже начинало что-то зависеть, а они ведь неспособны командовать. Сейчас такую возможность минимизировали. И правда: хороший офицер найдет способ попасть в магистратуру. Придумает, как решить проблему. А если офицер не в состоянии руководить собственной жизнью, то на кой черт он нужен там, где придется отвечать за тысячи и десятки тысяч других жизней?

А в-третьих, есть два исключения из этой рекомендации.

Тебе могут дать незаслуженное звание перед выходом в полную отставку, и тебя могут поощрить перед заданием, которое запросто окажется последним.

Мой коллега Иван Ким получил майора без дополнительного образования. Он сумел бежать из Шанхая, прихватив с собой чрезвычайно ценного для Земли человека. Его наградили за доблесть, конечно. Но на службу Иван Ким – он же Мастер Вэнь для друзей – не вернется никогда. Хотя бы потому, что, согласно медицинскому досье, он глубокий инвалид. По факту Вэнь без пяти минут киборг, у него заменено почти все, что поддается замене, включая оба глаза.

А я ушла в запас капитаном. Точнее, я ушла вообще ни с чем, поскольку меня из армии проводили с позором, дисквалификацией, лишением наград и гражданским трибуналом. Не поладила с командующим, да. В звании потом восстановили, награды вернули, а где сейчас тот командующий? В бегах. Но это не важно. А важно, что я с двадцати четырех лет – в запасе. Однажды я получила миссию вне, так сказать, контракта. Выполнила. За эту миссию мне предложили стипендию в магистратуре. Магистратуру я бросила, поскольку носила ребенка, и эта миссия занимала все мое время и отнимала все силы.

Таким образом, чисто формально я никак не могла рассчитывать на повышение. Я не на службе, я не прохожу соответствующий образовательный ценз, а самое главное – у ме-

ня и в мыслях нет возвращаться в армию.

И вдруг – майор.

Подозрение, что звание мне присвоили по ошибке и эта нелепость как-нибудь сама рассосется, я отвергла.

Не бывает таких ошибок.

* * *

– Майор Берг!

Министр, как всегда, обрадовался мне. Он был очень светским человеком, наш министр Колин Ронту. Он ликовал при встрече так, словно я была его любимой сестрой. Каждый раз, вызывая меня «на ковер», он сначала просматривал мое досье, чтобы быть в курсе последних новостей. Он сочувствовал мне изо всех сил.

И при этом мог дать реально смертельное задание.

Я сильно недолюбливала нашего министра.

Хотя как к специалисту у меня к нему претензий не было.

– Проходите, проходите, вот сюда, присаживайтесь. Сейчас я попрошу, чтобы нам подали чай... Или кофе? Боюсь, тот чай, каким меня снабжает государство, вас разочарует. Вы ведь недавно из Пекина, вот уж где чай так чай. Как вам понравился Шанхай? Ох, простите, нам всем надо отвыкать от жаргонных словечек. Большой Китай, конечно. Знаете, переговоры продвигаются, продвигаются, говорят, скоро будет официальное посольство... Прекрасно, я как министр

могу только поддерживать... А что вы скажете?

– Пекин очень красив и гармоничен. Должна отметить, что в Большом Китае на промышленных планетах проводят куда более осмысленную градостроительную политику, чем это принято у нас.

Так. Куда он пошлет меня? Опять в Шанхай? Боже упаси. Только не туда. Понятно, что о нелегальной разведке и прочих опасных производствах речи не будет, да и консулом меня тоже вряд ли назначат, а вот резидентом посадить могут запросто. А я не хочу там работать.

– А что вы скажете о государстве? Вам оно не показалось чуждым?

Я несколько секунд размышляла: сказать как думаю или все-таки вежливо. Потом сообразила, что у меня плохое настроение и министра я недолюбливаю, а вот задай мне такой вопрос леди Памела, например, – я бы ответила очень тепло и подробно.

Правда, леди Памела работает дражайшей супругой Скотта Маккинби-старшего, а вовсе не военным министром.

– Господин министр, обитатели Шанхая – кстати, они сами даже между собой используют это жаргонное название – по происхождению такие же земляне, как и мы. Почему их государство должно казаться чуждым?

– Но культурные различия...

– Они существовали и на Земле. Вы спросите любого китаяца, родившегося в Федерации, много ли различий он ви-

дит между своей жизнью и укладом жизни в Шанхае. Скорей всего, вам скажут, что здесь жить в целом спокойней, но значительно трудней сохранять традиции и национальную идентичность. Там основная масса людей живет беднее, но зато сам строй быта для китайца понятней и ближе. Наше государство уделяет слишком мало внимания сохранению национальных культур.

– Вы считаете это ошибочной политикой?

– Я считаю, господин министр, раз уж вы спросили, что культура не берется ниоткуда. Она порождение специфического сочетания условий обитания и расовых физиологических особенностей.

– О, вы сторонник расовой теории?

– Я не политик, мне можно.

Министр засмеялся. Воркующе и дружелюбно.

– Я даже немного завидую вам, – сообщил он доверительным тоном. – Признаться, кое-что в этой теории кажется мне если не правильным, то хотя бы заслуживающим внимания. Но я совершенно не могу сказать о том так свободно, как это делаете вы. Но ведь условия обитания меняются?

– Зато изменения в менталитете, которые появились благодаря им, остаются. И сохраняются тысячелетиями. Человеку, лишенному возможности жить в согласии с требованиями своего менталитета, очень трудно. Он испытывает дискомфорт и даже душевную боль, не понимая причин своей дисгармонии с миром. Чтобы избавить людей от этих непри-

ятных ощущений, надо сохранять национальные культуры. Разумеется, в рамках закона. Но если мы говорим о Китае, то их законодательство и мораль мало чем отличаются от наших. Даже жестокость китайского правосудия – вещь относительная. Я сама была свидетельницей некоторым ситуациям, которые совершенно невозможны у нас.

– Да, да. Вы ведь взяли на поруки пятерых китайских преступников.

– И пока они не дали мне ни единого повода пожалеть об этом решении.

Министр покивал. Я смотрела на него и гадала: ему уже доложили, что трое из этих преступников – никакие не злодеи, а просто талантливые физики и инженеры, работавшие по контракту в нелегальной лаборатории? И что свои изобретения они унесли с собой? Что их открытия пошатнут влияние кое-каких энергетических магнатов? А самое главное – что они могут быть очень-очень полезны для нашей армии?

Ни фиги. Не отдам. Пусть желающие катятся на Сайгон и вербуют спецов. Там еще много осталось, я уверена. И не только в этой области.

– А где вам понравилось больше – в Шанхае или в Эльдорадо?

Ну, началось.

– Господин министр, в Эльдорадо я работала. Да, я была моложе, в юности все кажется привлекательней. Но в Пекине я отдыхала...

Ну да, отдыхала, ври кому другому.

– ...и, конечно, отдых всегда приятней, чем работа.

– Верно я понимаю, что у вас остались негативные воспоминания об Эльдорадо?

Я подобралась. Разумеется, я следила за новостями о диссиде. Потому что слишком много странного происходило, и корешки росли из Эльдорадо – иногда тайно, а иногда и открыто. Порой мне казалось, что растут они на самом деле из Нью-Йорка, из какого-нибудь очередного секретного комитета при Сенате или из правительства... некоторые подозрения оправдывались, некоторые казались нелепыми.

Но в последние несколько дней новости об Эльдорадо выглядели так, словно их с потолка взяли. Все хорошо, тишина на границах, поток беженцев не усилился. Ни одного упоминания о том, что в Эльдорадо началась политическая реформа, которая в перспективе вполне может привести к установлению мира. Ни одного упоминания о том, что готовится наше официальное посольство в Золотой Мехико. Ни-че-го.

И это было уже не подозрительно, а прямо-таки угрожающе.

– Нет. Это сложная страна. В чем-то культура, выросшая из латиноамериканских реалий, которые сами по себе есть порождение реалий европейских, представляется более трудной, чем китайская, которая относительно монолитна и непрерывна в исторической перспективе.

Я замолчала. Больше ничего не скажу. Надоело мне раз-

водить беседы и строить такие фразы, словно я сдаю экзамен по социологии, ни разу не заглянув в учебник. Честное слово, еще минута, и у меня банально не хватит фантазии выдумывать ответы, которые сошли бы за убеждения. К тому же я подозревала, что минимум в половине случаев ляпнула чудовищную глупость, и мое счастье, что министр в этих вещах понимает явно еще меньше.

Вошла секретарша и сервировала кофе. Когда она удалась, министр лично опустил жалюзи на окнах, из-за чего его кабинет вмиг сделался похожим на бункер. Он проследил, чтобы я взяла чашечку, потом уселся напротив – за столом для посетителей, а не за рабочим, – положил локти на стол и сцепил пальцы в замок, а на лицо натянул огорченную и озабоченную мину.

Ну я так и знала.

– Майор Берг... Делла. Произошла беда.

– Никуда не поеду. У меня ребенку всего полгода.

– Нет-нет! – Он театральным мягким жестом вскинул руки. – О, конечно же, нет! Ваша миссия... та миссия, которую я хотел бы поручить именно вам... все будет на Земле. Не беспокойтесь, я подумал о вашем удобстве. Земля. И не просто Земля – Шотландия. Эдинбург. Конечно, будут какие-то выезды, не более чем на два дня, но в пределах планеты. Работать вам предстоит без легенды, совсем, под настоящим именем, с настоящей биографией. Все перемещения – по строго утвержденным маршрутам и с достаточ-

ной охраной. Ваша задача – завербовать человека, который на словах уже согласился сотрудничать с нами. Вам предстоит добиться полного и абсолютного его доверия. Только и всего.

Я допила кофе и аккуратно поставила чашечку на поднос.

– Не знаю, интересуетесь ли вы всем, что связано с бывшей вашей работой...

– Интересуюсь, – перебила я жестко.

– Тогда вы обратили внимание, как изменилась тональность новостей в случае Эльдорадо.

– Да.

Министр вздохнул, потер лоб. Сколько же лишних, показушных движений он делает! С другой стороны, его основная аудитория – не разведчики, которые считывают мысли буквально по движению кончиков ушей, а политики. Люди, которым некогда приглядываться. Им нужно, чтоб сразу было ясно и четко. И которые человека со сдержанной мимикой и отсутствующей жестикуляцией воспримут как чужака, сноба и эгоиста.

Министр откинулся на спинку стула, положил ногу на ногу, обхватил колено сцепленными пальцами, тут же передумал, вытянул ноги, а руки засунул в карманы брюк. Сидя. И это был первый его неподдельно естественный жест.

– В Эльдорадо очередной переворот. К власти пришел Арриньо. Наша основная агентурная сеть уничтожена буквально за одну ночь. Есть резервная. В ночь переворота было на-

падение сразу на несколько пограничных планет Куашнары. У Куашнары нет общей границы с Эльдорадо, вы помните. Там четыре планеты вдоль нашей границы, три – вдоль границы с Шанхаем. Нападению подверглись три из них. Причем именно те, которые на максимальном удалении от Эльдорадо. Фактически эльдорадский флот должен был пройти через всю Куашнару, но его бы непременно обнаружили. Поскольку нападение произошло внезапно, значит... В Куашнаре паника, там не ожидали, что у противника есть базы прямо внутри страны. Китайский император объявил предвоенное положение и полную боевую готовность по всем границам. Вторым его шагом стало послание нашему Сенату, в котором он проинформировал о происходящем и предложил нам тоже усилить свои позиции вдоль границ. Более того, он сообщил, что готов рассмотреть возможность военного союза с Землей. Прямо сейчас, до установления постоянных дипломатических отношений.

Он сделал паузу. Ждет ответа? А что, собственно, я должна говорить? По Шанхаю есть специалисты намного круче меня. Супруга императора, например. Позвоните Мэдлин, хе-хе.

Тут я поймала себя на мысли, что шутки шутками, а именно так и поступила бы. Мне не очень хочется говорить с Мэдлин лично, но моя подруга Эмбер Мелроуз-Рассел вполне может связаться с родственницей и спросить чисто по-дружески: а что там у вас за заварушка и не надо ли кому-нибудь

чего-нибудь на ухо шепнуть?..

– Решение с нашей стороны уже принято. Ночью состоялось экстренное заседание Сената. Как вы знаете, в Пекине до сих пор находится сенатор Кимберли Тако. Ей переданы полномочия чрезвычайного посла Федерации Земля с правом подписания договоров. В качестве военных советников в Пекин откомандированы генералы Маккинби и Шумов – тем более что Маккинби тоже недавно побывал там, знаком с обстановкой. Ваш бывший муж назначен исполняющим обязанности командующего округом вместо Шумова, вашего брата возвращают на службу. Точней, сначала он пройдет краткосрочный курс повышения квалификации, в Мадриде, а затем отбудет на Фронтир.

– Мне все это необходимо знать?

– Исключительно для душевного равновесия. – Он снова сделал паузу. – Но эффективность наших действий зависит и от результатов вашей работы. Ситуация вышла из-под контроля. Нам пока не удалось получить исчерпывающих сведений о перевороте. Их получите вы. Бывший диктатор, Энрике Вальдес, сумел бежать. С семьей. Мы предоставили ему убежище. Вскоре он прибывает на Землю. Он кое-как говорит на федеральном, но его семья – нет. Им нужен переводчик. Я хочу, чтобы вы взяли эту миссию на себя.

У меня неприятно засосало под ложечкой. Все-таки то письмо сеньоры Вальдес, переданное мне из контрразведки, было ловушкой.

– Вы понимаете, что я выбрал именно вас не случайно. Вы не только знакомы с этой семьей. Сеньора Вальдес – а от нее зависит очень много – относится к вам с симпатией. Кроме того, вы знакомы со многими другими фигурантами. Вы знаете об интригах внутри эльдорадской военной элиты. Вам не придется тратить много времени на подстройку. Но есть и еще одно обстоятельство. Вам так или иначе знакомы другие грани этой Большой Игры.

– Вы считаете разумным рассекречивать мою личность?

– Да. Я хочу, чтобы наши дорогие гости убедились: мы не носим лицемерные маски. Сеньоре Вальдес будет намного проще подружиться с Долорес Кастро, если она узнает, что Долорес Кастро на самом деле майор Берг, в миру – Офелия ван ден Берг, княгиня Сонно. Вы окажетесь женщиной ее круга, а значит, априори достойной доверия. Впрочем, что я вам рассказываю, сами знаете, какой у них там менталитет, и получше меня знаете...

– С чем связано повышение в звании? Предполагаете смертельный риск и хотите подсластить горькую пилюлю?

Министр вдруг засмеялся.

– Майор Берг, не сочтите за оскорбление, а вы ведь страдаете от комплекса неполноценности!

– С чего вы взяли?

– С того, что это повышение – заслуженное. Вы давно уже выполняете задачи майорского, а то и полковничьего уровня. Да, у вас нет магистерского диплома. Возможно,

это именно сейчас и хорошо, поскольку, как выяснилось, наша аналитика пошла по неверному пути. У вас будет незамутненный взгляд и сознание, свободное от штампов.

Ну да, я уже поверила, конечно. Просто если ты приплешь к сеньоре Вальдес какого-то капитанишку, то, будь он хоть трижды ее знакомым, – сеньора потребует замены. Сочтет это неуважением и даже унижением. Вроде как ноги вытерли об несчастных беглецов, подчеркнули их зависимый статус. Капитаном может быть водитель самого диктатора – но его мать должен возить майор.

– Да в конце концов, не могу же я держать княгиню, прослужившую уже много лет, в звании капитана! – выпалил министр.

Ах вот оно в чем дело.

– Меня уже сенатские дамы в лоб спрашивают: то, что княгиня Сонно до сих пор капитан, не есть ли симптом моего мужского шовинизма? А это, знаете ли, серьезный симптом, уж простите за тавтологию. Такие подозрения могут аукнуться... Не стану же я объяснять, что вам было лень и некогда учиться! Дамы видят, что вы в центре значительных событий, вы участвуете в переговорах с главами других государств, получаете от них высокие почести – я про Саттанг, да-да, кто бы мог подумать, что у Патрика такая поддержка среди наших женщин! – и все еще капитан? Нет-нет, в самом деле, мне было легко принять решение по вашему вопросу. Вы не только одаренный разведчик, но и очень спо-

собный офицер. Ваша личная храбрость и верность не раз подтверждались в бою, у вас есть награды... Не вижу никаких препятствий! Но все же, Делла, очень прошу: закончите магистратуру.

– Мне совершенно не нужна эта специальность, – откровенно сказала я. – В жизни больше не поеду в Пекин, хотя там и красиво.

– О, с этим никаких проблем, никаких! Есть несколько других специальностей, какая-нибудь вас непременно заинтересует. Я дам распоряжение, скажем, Киду Тернеру, чтобы он самым подробным образом вас проконсультировал.

– Он уже восстановлен в должности?

Министр покрутил пальцами, улыбнулся:

– Строго говоря, я не рассматривал всерьез доносы на него. Да, сейчас он все еще в трудном положении... но уже не в таком трудном. А к тому моменту, как вы завершите свою миссию, все уладится наилучшим образом.

Я проверила кофейник и налила себе еще чашечку. Нетопливо выпила. Проклятье, это действительно интересная миссия. Наверное, самая интересная из всех, какие мне поручали. Но маленький ребенок, я плохая мать... А никто другой не справится. Уж я-то сеньору Вальдес изучила. Никому она не поверит. У меня шанс есть. Потому что я спасла ее сына от смерти. Но мой малыш... Черт, что делать-то?

К тому же я действительно знаю больше других. Вальдесы причастны к деятельности Ордена Евы. Или их подставили.

Что собой представляет эта секта, лично я иллюзий не питаю. Если мы проиграем... то моему сыну уже никак не поможет мысль, что мамочка была доброй и проводила с ним все время, отказываясь от работы.

– Господин министр, с чем связано размещение семьи именно в Эдинбурге?

– Они сами туда попросились! – радостно воскликнул Ронту. – И я подумал: какое удачное совпадение, что вы живете совсем неподалеку от столицы Шотландии...

– Они так и сказали: хотим жить в Шотландии и больше нигде?

– Майор Берг, – министр укоризненно покачал головой, – вы же понимаете, есть смета. Исходя из нее, я предложил на выбор шесть мест проживания. Шесть зданий, аренда которых обойдется государству в одинаковую сумму, достаточно просторных, чтобы с комфортом разместились как наши гости, так и обслуживающий персонал. На их месте я бы выбрал, пожалуй, Австралию – там и климат ближе к привычному, и территория побольше, можно даже верхом покататься. Хотя, разумеется, это почти пустыня. Но они захотели жить у моря. Непременно у моря. В моем списке этим условиям отвечали только Шотландия и Япония. Японию они отвергли – боятся землетрясений.

– В Эдинбурге практически невозможно организовать достаточную охрану.

– Ну, сенаторы, входящие в комиссию по этому вопро-

су, решили, что все эльдорадские беженцы равны в правах... словом, Вальдесы получают вид на жительство и некоторую помощь от государства, а в остальном будут жить точно так же, как и все.

– Это безумие. На них же начнется охота. Я не говорю даже об эльдорадских мстителях. Хватит наших сумасшедших, которые воспользуются случаем «уничтожить врага». И вы серьезно полагаете, что моя миссия будет решительно безопасной?

– О-о, леди Берг, ну что вы! Конечно же, личная охрана будет. Кроме того, я нарочно выбрал комфортное, современное здание, в котором очень удобно организовать все необходимое...

– Где именно?

Министр озабоченно сдвинул брови, раскрыл наладонник, что-то поискал:

– Район Бабертон. Новая улица, там здания стоят просторно, я уже распорядился поставить надежное ограждение по периметру участка. При доме есть сад, гараж на два автомобиля и гостевая парковка, гостевой домик с тремя спальнями, а совсем рядом, буквально в полукилометре, – католическая церковь. Я подумал, что дорогие гости захотят посещать мессу – и лучше, если они смогут ходить на службу пешком, а не ездить через весь город.

– Разумней всего было бы поселить их на маленьком острове, – заметила я.

– Но как же они тогда ходили бы в церковь, да и вообще вели обычный образ жизни? Я не хотел бы, чтобы они считали себя пленниками. Пусть женщины развлекаются шопингом, водят детишек по музеям, прогуливаются в парках и так далее. Чем быстрее они ощутят себя на Земле своими, тем быстрее Вальдес доверится нам. Странно, что вы, разведчик, не знаете этих прописных истин.

– Я, разведчик, неплохо помню эту семью, – я не полезла за словом в карман, – и отлично знаю, в каких условиях они жили. Вы добьетесь их доверия, если гарантируете тотальную безопасность и личный комфорт для каждого. А вы уже обеспечили им стрессовые условия. Потому что любой «достаточно просторный» коттедж, даже на самой новой улице в Эдинбурге – это, по их мнению, собачья конура! И никогда в жизни женщины этой семьи не «развлекались шопингом». Они не ходят туда, где закупается простонародье. Вальдесу уже под тридцать было, когда он впервые задался вопросом: а как вызывается такси? А здесь они окажутся посреди шумного города, среди людей пусть и не бедных, но далеко не аристократов, к тому же в положении удобной мишени для любого сумасшедшего...

– Ну, не преувеличивайте. Шотландия – очень тихое и безопасное место.

– Господин министр, вчера в этом тихом и безопасном месте убили эльдорадского беженца. У меня на глазах. Даже не в Эдинбурге, а в маленьком, сонном городке Пиблс.

– Ну хорошо, хорошо, – несколько раздраженно сказал министр. – Я видел карту, там достаточно легко организовать скрытое патрулирование. Ничего страшного. Обещаю вам, что поручу Ашену дополнительно проработать вопрос безопасности. Все мыслимые меры будут приняты.

– И мне понадобится дополнительная информация.

– Вы согласны?

– Только в том случае, если вы дадите мне все материалы по деятельности Ордена Евы и всех вспомогательных сект и организаций. Я имею в виду и дело Куруги и «Энимоушен», и отчеты Себастьяна Грея...

– К сожалению...

Я приподняла бровь.

– У меня, видите ли, у самого нет доступа к этим материалам. Они переданы в распоряжение специальной комиссии при Сенате. Ведется расследование.

– О.

– Но если вам нужно что-то еще...

– Хорошо. Допуск к материалам агентства федеральной безопасности. К любым материалам.

– Делла, но зачем вам это?! Нет-нет, я не возражаю, всего лишь хочу понять...

– Вы желаете знать детали переворота? Мне известно, что в заговоре участвовали adeпты Ордена Евы.

Министр недоуменно пожал плечами.

– Все равно я вас не понимаю. Впрочем, как хотите.

Вы получите этот допуск.

– Что ж... – я еще мгновение посомневалась. – Хорошо.

Министр вызвал секретаршу и велел подать ей бланки контракта.

* * *

В аэропорту Эдинбурга меня ждала машина из поместья Маккинби. Я велела ехать к офису эдинбургского бюро агентства федеральной безопасности. Начнем оттуда.

Агент Вера Харрис, с которой я созвонилась еще с дороги, предупредила:

– Делла, у меня не более получаса. И то я отдала тебе свой перерыв на обед.

– Не беспокойся, я не отниму слишком много времени. – Я протянула ей карточку с чипом. – Мой допуск.

Вера взяла карточку, осмотрела, вскинула брови:

– И что от меня нужно военным?

– Проверь сначала.

Она сунула карту в прорезь сканера. Быстро прочитала.

– Поздравляю с повышением, майор Берг. Кажется, позавчера ты была капитаном, я не ошибаюсь?

– Спасибо, агент Харрис. Мне нужны все материалы по делам Хатак Тулан и Мигеля Баша. По обоим делам Баша, – подчеркнула я. – Включая и первое, нераскрытое покушение на убийство.

– Когда его отравить пытались? – уточнила Вера. – Делла, и что означает твое вмешательство? То есть я была готова, я еще вчера все поняла. Но я ждала тебя в другом качестве – как ассистента Маккинби, а не как фигуру из военного министерства.

– Это не вмешательство. Я хотела бы получить копии материалов. И получать их в дальнейшем, по мере того, как появятся новые факты.

– Боюсь, что уже не смогу помочь.

– Что-то произошло?

– Дело Хатак Тулан передали в полицию, едва нашелся подозреваемый. Дело об отравлении Мигеля Баша забрали сразу. Предлог – не наш уровень, этими вещами должны заниматься полицейские. И по делу об убийстве Баша уже поступил запрос.

– А ничего, что его застрелили из устройства, которое производится за пределами страны? Одного этого достаточно, чтобы им занимались федералы. Я уж молчу, что гражданство он получить не успел.

– Да и не пытался. Делла, шеф, – Вера показала глазами на потолок, – уже устроил скандал. Нас никто не слушает. Я не хотела передавать дело об убийстве Тулан. Подозреваемый – тупица-наркоман, он собственное имя не всегда помнит. Он в чем угодно сознается, хотя бы потому, что для него любые признания уже давно – лишенный всякого смысла набор слов. И это убийство – не первый и не последний случай.

Убито еще несколько людей. Баш и вовсе темная личность. Я не удивилась бы, если бы первое покушение было инсценировкой. Но вот что я скажу: робот-снайпер – не единственный эльдорадский след. Я успела провести экспертизу и могу утверждать: Хатак Тулан застрелили из снайперской винтовки «Раббит». У нас она давно музейный экспонат, а вот в Эльдорадо используется вовсю. Но когда я наводила справки по личным каналам, то узнала: было еще две экспертизы, которые пришли к выводу, что стрелок пользовался охотничьей винтовкой «Молния». Именно такой, какую обнаружили дома у подозреваемого. Но прости, Делла, обыск у подозреваемого я проводила сама. К той винтовке никто не прикасался самое малое год!..

Я вопросительно посмотрела на нее.

Вера Харрис застыла, глядя на меня.

Я искушающе улыбнулась.

Вера Харрис озадаченно поморгала, набрала и отправила кому-то текстовое сообщение.

В полном молчании мы провели около двух минут. Потом открылась дверь и вошел очень, очень пожилой, совершенно лысый и высохший мужчина. Джордж Гордон Макгрегор, он же Горди-Горди, шеф эдинбургского бюро.

Я представилась. Горди-Горди уперся взглядом в Веру Харрис.

– Эльдорадские дела, – сказала она. – Ну, я думаю, и Орден Евы, без него в этих делах никак. Военная разведка на-

конец-то подключилась.

– Вера, – Горди-Горди ткнул пальцем в ее сторону, – я этого не слышал. Я вообще ничего не слышал и знать ни о чем не желаю. Поняла, да? – Сделал два шага к двери. – Но я тебя, конечно, прикрою. Потому что ничего не знал, да. Ну и потому что с юности питал слабость к офицершам, особенно из военной разведки. Хотя я понятия не имею, что эта симпатичная леди оттуда. Вообще-то я ее знаю как родственницу Маккинби, но подозреваю, что ни фига она не родственница, а то ли невеста, то ли уже и жена младшего Маккинби. Кстати, я видел, что она к тебе шла, и поэтому зашел сам. Я не из тех, кто благоговееет перед принцами, просто Кента сегодня не взяли на выезд, там риск недопустимый для стажера, и он слоняется по бюро. Как бы чего не вышло, словом. Ты уж проследи, чтобы уважаемая леди покинула офис без дурацких приключений, а то мне прошлого суда хватило выше крыши. Да. Или она ему челюсть сломает, тоже некрасиво может получиться...

– А допуск? – спросила Вера уже почти в спину ему.

Горди-Горди вернулся.

– У тебя нет? А почему?

– Потому что нет.

– Безобразие, – сказал Горди-Горди и потянул наладонник из-под рукава. Несколько секунд – и он усмехнулся: – Теперь все есть. Но учти: это до того момента, как мы отдадим дело Баша в полицию. То есть примерно до утра послезавтра.

Потом я допуск сниму.

– Ха, да я за это время...

– Так, я ушел. И между прочим, домой. Вернусь послезавтра, имей в виду.

– Ясно.

Горди-Горди смылся.

– Кофе хочешь? – спросила Вера, не отрываясь от своего компьютера. – Если хочешь, автомат в холле. А, черт! Там может быть Кент, не ходи.

– И что за Кент?

– Да наше местное чучело. Стажер. Дебилу скоро двадцать пять, в бюро почти четыре года, и все еще стажер. Отдельно известен двумя особенностями: папа-сутяжник с юридическим образованием и непреодолимая тяга к женщинам. Не соображает, к кому можно клеиться, а к кому лучше на милою не приближаться. Полгода назад пытался снять свидетельницу прямо возле морга, где на экспертизе было тело ее убитого мужа. Со словами – мол, тебе же сейчас все равно мужик нужен, ну и вот он я. Дальше был суд, Горди-Горди замотался оправдываться и извиняться. Кент так ни хрена и не понял. Его пытались сплавить в другое бюро – вернулся через два месяца. Кажется, он наше наказание за грехи. Потерпишь минутку? Я кое-что закончу и схожу за кофе сама.

– Есть идея получше. Что скажет твоя семья, если ты вдруг заночуешь в гостях?

– Ничего. Муж слегка прихворнул, ему рекомендовали санаторный курс в особых климатических условиях. Я построила его в Крым и в нагрузку выдала детей. Так что я целых полтора месяца могу ночевать где угодно при условии, что это не повредит моей репутации.

– В Пиблс еще никому репутацию не испортили. Я пришлю машину за тобой. К шести?

– Я замечательно доберусь сама.

Я молчала.

– Думаешь, не доберусь? – с сомнением переспросила Вера. – Точно?

– Рисковать не хочется.

– Ладно. К половине седьмого. Нет! Если не хочется рисковать, то к без четверти шесть. И вот еще что: понятия не имею, какие у Маккинби домашние обычаи, но виски я не пью.

– Маккинби разрешают женщине виски либо во время большого праздника, когда этого требует традиция, либо перед сном, в спальне, в дозировке снотворного. И чтоб никто не видел! Бренди и коньяка можно побольше, в том числе и в обществе, но на тебя будут смотреть косо. А вот если ты во время семейного ужина внезапно объявишь себя убежденной трезвенницей, на тебя поглядят благосклонно, предложат ознакомиться с картой безалкогольных напитков на три сотни наименований, без колебаний приготовят напиток по твоему рецепту, если ничего подходящего в меню

не нашлось, а если ты проявишь себя интересной собеседницей, то не удивляйся, когда получишь приглашение на следующий ужин.

– Какие замечательные обычаи. Видать, предки Маккинби были совсем без тормозов, если у потомков появились такие правила... Хорошо, Делла, тогда до вечера. Я примерно поняла, чего ты хочешь. Не возражаешь, если я присовокуплю кое-что от себя? Потому что я изучила статистику и обратила внимание на подозрительные совпадения.

– Все, что сочтешь нужным.

– Пойдем, я провожу тебя. На всякий случай, а то вдруг Кент так и не придумал себе занятия.

Мы вдвоем спустились на первый этаж. Навстречу нам спешила девчушка. Самая обычная: невысокая, хрупкая, с гладко зачесанными в узел темными волосами, миловидная.

Мне сделалось не по себе.

– Агент Дуглас, – кивнула ей Вера.

– Добрый день, агент Харрис, – звонко ответила девчушка.

Она прошла, а я все прислушивалась к себе. Ощущение легкого холодка между лопаток меня удивило, но я привыкла доверять своей интуиции.

– Вера, новый агент?

– Со вчерашнего дня.

– Откуда она взялась? И сразу агентом?

– Перевелась из Мюнхена поближе к родителям. Она вообще-то местная, дед служил в полиции, мать с отцом держат мини-отель на десять номеров. Вики – ее зовут Вики – в агентстве уже три года, была замужем за полицейским, недавно развелась и переехала в Эдинбург. Ничего особенного. Рекомендации хорошие – старательная, звезд с неба не хватает, но очень добросовестная, неконфликтная, в коллективе всегда на вторых-третьих ролях.

– Она тебе не по душе.

– Не люблю женщин, которые бросают мужей, потому что те тяжело больны и нуждаются в годичном курсе лечения.

– О как.

Вера поморщилась и не стала рассказывать.

Усевшись в машину, я поняла, почему мне так не понравилась девушка. Она была похожа на Изабеллу Баш, сестру несчастного Мигеля. Я рассмеялась и выбросила ее из головы. И сообразила, что надо бы навестить Изабеллу.

Через полчаса я была в Пиблс и велела водителю подъехать к бутику. Но меня ожидало разочарование: двери были закрыты. Я обошла здание кругом – во дворе царила тишина. Я огляделась. Странно, очень странно. Как будто Изабелла куда-то уехала. Понять ее можно, вряд ли приятно оставаться в доме, когда каждая вещь напоминает о брате и о том, что больше он никогда не попросит пожарить ему форель, только что пойманную в Твиде.

Но проблема в том, что Изабелла была беженкой.

Ни гражданства, ни своего жилья, ни средств к существованию. Всем этим ее с братом обеспечил орден доминиканцев, а если конкретно – то Скотт Маккинби-младший. Скотти пропал без вести. Конечно, он не единственный монах в ордене, беженцами в его отсутствие занимался кто-то другой... Под ногами что-то блеснуло. Я присела и опешила: гильза.

Я выпрямилась, огляделась по сторонам. Ни души. Но почему-то я была уверена, что за мной следят. Подглядывают из-за плотно закрытых жалюзи откуда-нибудь из дома. Этого или напротив.

Я вызвала Веру Харрис.

– Вера, кажется, Изабелла Баш уехала. Тебе что-нибудь об этом известно?

– Уехала? – удивилась Вера. – Быть не может. Куда? Она же в шоке и у нее тут никого знакомого нет. И денег нет. К тому же ей завтра надо явиться ко мне... Ты уверена?

– Бутик заперт. Дом тоже. Я стою во дворе, и под ногами у меня гильза. Если мне не изменяет зрение, винтовочная.

– Очень странно. Хотя дом не обыскивали... Ты можешь задержаться там на несколько минут? Я вызову местную полицию, пусть оцепят территорию. Пожалуй, я бы осмотрела сама. Тогда не присылай машину, я оттуда до поместья пешком дойду.

Я вышла на улицу. Точней, это была узенькая мощеная тропинка, проходившая по задмам домов. Ждать пришлось недолго, полицейские примчались буквально через три ми-

нуты. Я объяснила, каким образом оказалась на месте, и вернулась к машине.

* * *

Санта приняла у меня плащ и сказала:

– Тебя ожидает гость. Он в главном здании. Конечно, я его помню, но ты не давала распоряжений пускать его сюда.

Я удивилась.

– Мистер Дьявол, – пояснила Санта. – Который прилетал на Саттанг.

– Дик Монро?! Ему-то что от меня нужно?! Санта, пошли кого-нибудь за ним и проводи в кабинет. Я переоденусь и приму его.

– Обедать не будешь?

– С ним и пообедаю. Кстати, да, пусть накроют в столовой на первом этаже. И подайте ему чего-нибудь в кабинет, что попросит, а то он от скуки теряет чувство юмора и становится невыносимым.

Я приняла душ и переоделась, но не почувствовала себя свежей. Гнетущее чувство, охватившее меня еще в Эдинбурге, только усилилось. Я заглянула в детскую, Огги спал. Я на цыпочках вышла и отправилась в кабинет.

Дик Монро неспешно изучал помещение. В одной руке он держал бокал с вином, другую сунул в карман брюк. Ощупывал взглядом переплеты под свинец, рассматривал ланд-

шафты, и делал это так вдумчиво и придирчиво, что казалось: он буквально трогает взглядом каждую вещь.

Как интересно, я только десять лет спустя начала понимать секрет его притягательности для женщин.

– Делла, – сказал он, услышав мои шаги. Отсалютовал бокалом. – Неплохо выглядишь, хотя я посоветовал бы тебе месяц-другой провести на курорте. Я тут по делу. И не говори, что я всегда по делу. Ты сама виновата, что у нас нет других поводов для встреч.

– Дик, ну хватит уже.

– Почему? Мы разве умерли? Вот пока живы, я буду тебе говорить: ты дура. Если бы ты меня не бросила...

– Ты сам меня выгнал.

– Я тебя не выгонял!

– Дик, если бы я не ушла, то не имела бы сейчас всего того, что составляет львиную долю моей привлекательности в твоих глазах. Я не была бы княгиней, не имела бы миллиона полезных связей...

Дик засмеялся:

– Дуреха. Я тебе говорил, что у меня чутье на таланты? У тебя есть талант. Ты никогда не будешь богатой сама по себе. Но все, кто рядом с тобой, взлетят до фантастических высот. У тебя талант – приносить близким прибыль. Себе не сможешь. А твои близкие будут в полном ажуре. Ты подумай, кстати.

– Дик, ты женат.

– И что? У моей супруги вчера случился проблеск рассудка. Сказала, что я еще молод, и если отправлю ее в дорогой дом престарелых, то она даже рада будет. В конце концов, там будет общество. Подумай. На хрена тебе этот Берг? Он, конечно, вернется, только помани. Но, Делла, ты достойна лучшего.

– С точки зрения лучшего я, между прочим, состою в индейском браке с Августом.

– А он зарегистрирован у нас? – Дик прищурился.

– Конечно.

– Хм. – Дик застыл. – Не знал. Ну, что же... Объективно говоря, не худший выбор. Я где-то даже доволен. Ненавижу тягаться с недостойными соперниками. Маккинби неплох, да. Рохля, но неплох. – Дик одобрительно выпятил губу. – Кстати, он когда появится?

– Без малейшего понятия.

– Но в течение недели вернется?

Я покачала головой:

– Не раньше чем через месяц.

– Это хорошо. А то мне не хочется, чтобы он пронюхал... Все равно узнает, но лучше бы потом, а не в процессе. – Дик подошел к угловому столику, на котором стояла бутылка вина и еще один, пустой бокал, наполнил его и подал мне: – Майор Берг, с повышением.

– Уже даже ты знаешь? – Я пригубила.

– А кто, по-твоему, наших сенатских баб накрутил? –

Дик пожал плечами. – Должен же кто-то тебя продвигать? Берг не станет, он только о себе думает. Маккинби зеленеет при одном упоминании о твоей службе... Надо же, какой нервный! – Дик хихикнул. – Так почему бы и не я? Ты была лучшей ученицей в школе, я дал тебе рекомендацию в университет, ты стала лучшей на курсе... Определенно я считаю неуважением ко мне то, что тебя зажимают и не повышают!

Я села на диван и отставила бокал.

– Что у тебя стряслось?

От Дика можно было ждать всего – просьбы встретиться со старейшинами Саттанга, уладить недоразумение с моим братом или даже вопроса: «У меня? Нет, это у тебя стряслось, а я всего лишь хочу помочь».

– Есть проблема. Мне нужно решить ее так, чтобы не осталось никаких упоминаний в официальных документах. – Дик помолчал и веско добавил: – Семейная проблема.

Он прошелся по кабинету и наконец тоже сел. В кресло точно напротив меня.

– Кэрол. Она сошла с ума. Раньше была просто с придурью, а теперь свихнулась по-настоящему.

Я не понукала его.

– Она внезапно решила, что на Танире ей скучно, и переехала на Землю. У меня есть фамильный дом в Канаде, но она прыгает по городам, снимает какие-то апартаменты. И пошло-поехало. Пьянки-гулянки, каждый день новые подруги... Потом вроде завела себе мужика. Я было успоко-

ился, но тут мне докладывают, что мужик – то ли танцовщик, то ли стриптизер. И вообще все плохо, потому что вместе с ним Кэрол завела себе еще и девку, какую-то певичку. Но через сутки я узнаю, что все еще хуже, потому что мужик не мужик, а тоже баба. Я выкроил время и прилетел, потому что Кэрол совсем потеряла берега, а у нее дочь, я уж молчу про семейную репутацию. Вчера я с ней поговорил. Делла, у меня нет слов. Кэрол обрилась наголо, бормочет о том, что мы живем неправильно, хочет отрезать сиськи и пришить член.

Я не удивилась. Скорей, именно этого я и ожидала – после упоминания танцовщика-стриптизера, который непонятно какого пола.

– Как зовут стриптизера?

– Сценический псевдоним – Масуки Касиморо. Бессмысленный набор звуков в японском стиле. Настоящее имя – Ясмин Фора. Тебе это что-то говорит?

– Нет.

– Жаль. Этот то ли мужик, то ли баба заманил ее в секту. Кэрол нищая. Все деньги, какие у нее были, отдала секте. До гроша. Она запретила дочери читать книги и отняла одежду. Девочка ходит голой и босой. Кэрол тоже, одевается, только выходя на улицу. Она ко мне вышла голой, можешь себе представить?! Совсем чокнулась. Но это еще не все. Сегодня утром она пыталась убить дочь. Я успел каким-то чудом. Отнял ребенка, надавал Кэрол пощечин, за-

пер ее. Девочка в очень плохом состоянии. Она даже не испугалась. Она заторможена, как будто в трансе, что-то бормочет себе под нос, а если ее оставить в покое, начинает кружиться. Топчется на одном месте и кружится. До бесконечности. Ее спросишь – остановится, ответит и снова начинает кружиться. Я вызвал знакомого врача и отправил девочку вместе с ним на хороший курорт. Но что делать с Кэрол?! Она не раскаивается ни капельки! Она еще и возмутилась, обозвала меня негодяем, сказала, что я отнимаю у ее дочери лучшее будущее! Видите ли, Кэрол точно знает, что мертвые скоро возродятся в новом, совершенном облике, и кто не успеет умереть до срока этого возрождения, так и останется уродом, как сегодня. Она хотела, чтобы дочка обрела новые возможности! Собиралась утопить ее в ванне, а потом повеситься сама.

– И ты оставил ее без надзора?

– За кого ты меня принимаешь, нет, конечно. Там двое ребят, они справятся даже с такой чокнутой фурией, как Кэрол.

Я вздохнула:

– Дик, мне нечем тебя обрадовать. Сомневаюсь, что ты еще застанешь Кэрол живой.

Дик несколько секунд внимательно меня рассматривал.

– Все так серьезно?

– Очень.

– А почему эту секту никто не запрещает тогда? Что это вообще за безобразие?

– Потому что, Дик, никто не жалуется. Забудь, пожалуйста, что проблему можно решить без шума. Если тебе повезет и Кэрол не погибнет, – клади ее в клинику. В психиатрическую. Никаким курортом или домашним арестом ты проблему не решишь. И к федералам тебе обратиться придется. Иначе никак.

Дик не возразил. Только уточнил:

– Кэрол что-то сказала, вроде бы секта называется Орден Евы. Я навел поверхностные справки, это разрешенная ересь, совершенно мирная. Ты ничего о такой секте не слышала? Может быть, их две?

– Слышала. Поэтому и советую решать проблемы открыто и официальным путем.

– Плохо, – Дик вздохнул, потер лоб. – Позор-то какой. Что ж, ладно... Я, пожалуй, не останусь на обед, поеду к этой дуре. К Кэрол. Ты держи меня в курсе, если вдруг что услышишь.

– Прости, Дик. Лучше наоборот – ты будешь держать меня в курсе.

Дик заинтересовался:

– А что? Уже, да? Я понял, спасибо. Хорошо, считай, мы договорились.

Он уехал, а я спустилась вниз. И почти столкнулась с Ниной Осси, заспанной, только что вылезшей из своей комнаты. Нина посмотрела в окно, вслед уходящему Дику, и обреченно сказала:

– Ну вот, все-таки Дик вмешался. А я говорила Кэрол, что дед рано или поздно влезет. И всем нам будет очень весело. Да вся эта история с самого начала плохо пахла. Видно было, что кончится хреново.

Я вспомнила, что Дик упоминал в числе любовниц Кэрол какую-то певичку. Так-так.

– Нина?..

– Вот поэтому я и просила тебя помочь. Потому что дед Кэрол – он как таран. Чтоб спасти своих, утопит всех окружающих. Я уверена, он все расскажет Йену. И мне тогда крышка. Хотя я уже вышла, в смысле, все уже позади, но, блин, Дел, как же неприятно, а?

– Ты ведь не завтракала?

– И не хочу. Аппетита нет вообще.

– Тогда просто со мной посидишь. Мне перекусить необходимо. Заодно и расскажешь.

– Если честно, я все еще не готова...

– К тому моменту, как ты соберешься с духом, что-то предпринимать будет поздно.

Нина сдалась.

* * *

– Ну короче, – заявила она с вызовом, – ниче такого я те сказать не могу.

Я принялась за суп.

– Кэрол клевая, – сказала Нина, и в ее тоне прозвучал уже не вызов, а злость подростка, застигнутого на месте преступления. И как любой подросток в таком положении, Нина решила перейти в наступление. – Я в курсе, что ты строгая, только я-то не ты, я-то музыкант!

Сказала – и замолчала, выжидательно на меня глядя. Я спокойно ела суп.

– Мне себя ограничивать нельзя!

Суп, между прочим, был очень вкусным. Похоже, Скотт Маккинби опять сменил повара, потому что и на завтрак вместо каши подали блинчики и омлет, и суп какой-то неизвестный... Надо будет узнать, что еще умеет новый повар.

– Что ты молчишь?! – не выдержала Нина.

Я доела суп. Аккуратно отставила тарелку. Посмотрела, что предлагается в качестве жаркого. Ага, печеная форель. Точно, повар новый – прежний рыбу не готовил никогда, считая, видимо, ее несъедобной. Неудивительно: после его приготовления несъедобным становился любой продукт.

– Нина, позволь напомнить: в дурацком положении оказалась ты, а не я. Я совершенно не обязана вытягивать из тебя подробности. Просто имей в виду, что к ужину приедет Вера Харрис.

Разумеется, Нина сделала предсказуемые выводы. Сразу помрачнела и сникла.

– Ну ясно, – пробормотала она. – Понятно. Да уж, без вариантов. И что, все так серьезно?

– Нин, ты труп Мигеля Баша видела? По-твоему, это недостаточно серьезно?

– Ну я откуда знаю, вдруг это такое хитрое самоубийство. Вдруг он сам настроил этого робота на себя.

– Как интересно. У тебя есть основания полагать, что он сумел провезти робота-снайпера незаметно?

– Не. Ему все выдавали. Дел, он же профессиональный убийца.

Интересно, когда это добряк Мигель успел им стать. Несколько лет назад, в Эльдorado, он терялся даже в безобидных ситуациях вроде скандала с конкурентами. И терялся искренне – я не могла ошибиться и принять глубоко законспирированного профи за растяпу из деревни.

– В любом случае его смерть произошла не от естественных причин.

– Ну, да... – согласилась Нина. Ссутулилась, склонила набок опущенную голову. Ручаюсь, она еще и ноги под стулом заплела. – Ну короче, Дел, это было сплошное помрачение. От начала и до конца. Понимаешь, у меня никогда не было романов с женщинами. И мне не то чтобы надо было, нет. Но по приколу. И с кем еще, если не с Кэрол? Ну правда, она сама как музыка. Особенная музыка, не для всех. Я слышала, ее иногда психопаткой называли. Так музыка такая же бывает. Мне никогда не удавалось написать по-настоящему больную музыку. А хотелось, конечно. И поначалу было все так здорово, но любовь-морковь быстро сошла на нет. Кэрол

решила, что будет меня поучать. Типа она старшая, а я ее прилежная ученица. Она таскала меня в такие места, куда я в жизни бы не сунулась. При всей моей отмороженности. Я вообще не понимаю, как такое можно без наркоты впитывать. На трезвую голову оно дико. Мне еще хорошо, я в статусе ученицы, меня ни к чему не допускали. А Кэрол отрывалась!..

– Когда это было?

– Да почти с год назад. Мы тогда жили в Париже. Мы – это Кэрол и я. Бред, конечно... В общем, однажды она притащила меня на оргию. И там я увидела вот этих псевдогермафродитов. Они обслуживали баб типа Кэрол, того же уровня. Я, в общем, решила, что попала на оргию той Церкви, где была Тупак. И на следующий день похвасталась ей. Она мне и сказала, что это не та Церковь, это вообще секта и мне надо делать оттуда ноги. А она, мол, поможет. Мне и самой уже все осточертело, я пару дней закатывала Кэрол сцены ревности, в общем, удалось поссориться. Я забрала сына, собак и переехала в Эдинбург, чтоб подальше. Знала, что Кэрол сюда даже на день не поедет, она и климат не выносит, и архитектура тут ее бесит, и люди... И вроде бы все успокоилось. Я вышла замуж за Йена. Прошло недели две – вдруг звонит Кэрол. Как дела, давай встретимся. Встретились. Она странная, как будто под наркотой. Но трезвая. За руку меня берет нежно, в любви объясняется. На свиданиях не настаивает, понимает, мол, что я замужем, ничего,

она будет любить меня издали, просто хотела, чтобы я знала. И меня от ее речей заметно так повело. Я даже думаю: а я не потому с Йеном поссорилась, что она меня тогда запрограммировала? Я после той встречи неделю не в себе была. Неделя, правда, вышла та еще... Но, в общем, с Йеном мы поссорились, и я прям в тот же вечер позвонила Кэрол. У меня аж руки тряслись, так я хотела с ней все это обсудить.

Нина говорила и так жадно поглядывала на печеную форель, что я оставила ей половину. Нина подвинула к себе блюдо, ухватила прямо с него кусок и мигом сжевала.

– Кэрол меня отругала, – сказала она. – Два часа мне втирала про семейные ценности. Потом обещала сводить к психотерапевту, особенному такому, который все мои личные внутренние конфликты разрулит и я смогу жить нормально. Ну я как-то напряглась. Она объяснила, что с той сектой покончила, она нашла свою истинную веру, никаких оргий и прочего непотребства. В общем, уговорила меня познакомиться с ее психологом в неформальной обстановке. Мол, я погляжу, а там сама решу. И я пошла. Нормальный такой клуб, чистый, опрятный, алкоголя в меню – верь не верь – нет. «Зеленая заря», если тебе интересно. Только он уже закрылся. Мы пришли рано, Кэрол отлучилась, а я пошла в бар кофе выпить. Там у стойки был парень, и мы с ним как-то враз поняли друг друга. Я даже не могу вспомнить, с чего разговор-то начался. И вот он мне такое рассказал, что я сначала его за сумасшедшего приняла. Сказал, что из Эльдора-

до, прикидывается беженцем, а на самом деле он диверсант. Убийца. Убирает тех, кого ему прикажут в секте. Ему тут надо втереться в доверие кое к кому, а потом грохнуть Вальдеса.

Нина для убедительности вытаращила глаза.

– Ну понятно, где Эдинбург и где Вальдес. Я так на него поглядела, а он поясняет: Вальдес приедет в Эдинбург. Скоро. И этот парень с ним встретится. Уже, мол, все для этого сделано. Осталось придумать, как сделать, чтоб убийство точно приписали Арриньо. А ему, этому парню – это как раз Мигель Баш был, – расхотелось. Но если он выдаст себя, то его убьют. Мол, тут есть кому. Напарник у него тут, точней, старший. У старшего работы тоже завались, надо типа в секте почистить ряды. Дел, ну я решила, что он чокнутый! Кто, скажи, кто будет такие вещи первому встречному рассказывать?!

– Ты достаточно известный человек.

– Вот! В тот вечер он меня предупредил, чтоб я к психологу и близко не подходила, меня будут вербовать и фиг я спрыгну. У меня получилось само собой, потому что позвонила бебиситтер, в общем, я все бросила и поехала к сыну. Через пару дней Кэрол снова меня вытащила. Уже в гости. В свой дом. Ага, оказалось, она тут дом купила. И там я снова пересеклась с Мигелем. И вот тут он мне доказал, что все серьезно. Он сказал, что вербуют меня из-за Йена. Что Кэрол опасна, ее завербовали давно, у нее уже каша вме-

сто мозгов. Ее брали из-за денег и еще из-за ее деда. Потому что дед имеет доступ к новой транспортной сети. Я не выдержала, говорю: не того вербуете-то. А он ответил, что операция просчитана с минимальными затратами. Что Августа отвлекут, а тебя используют втемную. И еще попросил меня устроить ему встречу с Тупак. Я ей его код сбросила, решив, что она сама разберется. Не знаю, встречались или нет. В общем, я после той встречи поехала к тебе. С Йеном мы помирились, все нормально, и меня вроде как оставили в покое. – Она помолчала. – А неделю назад мне подбросили ролик. Дел, я такого не помню. Хоть убей меня. Начала восстанавливать события – и по всему выходило, что это случилось во время моего свидания с Кэрол. У меня из памяти два часа просто как вырезали. А на ролике такое... Блин, я там с Кэрол и двумя мужиками. А самое паршивое, что я же в это время была замужем!

Она заплакала.

– Я вообще не знаю, что делать, – пожаловалась она. – Если Йен узнает, это просто конец всему. Ты, наверное, думаешь, он такой спокойный, понимающий? Да черта с два! Я один раз при нем с поклонником своим поцеловалась – Йен месяц со мной не разговаривал! Он не скандалит, не упрекает – он просто вычеркивает меня из своей жизни. Дел, а я ж его люблю. Ну вот люблю, и все тут! Он такой... Такой... Я жить вообще не могу без него!

Она разрыдалась. Я не утешала. Я ждала, когда она немно-

го утихнет.

– Что тебя просили сделать?

– Ничего, – Нина уронила голову на руки.

– Совсем?

– Совсем. Я вообще не понимаю, на кой хрен им шантаж, если они умеют вот так с мозгами обращаться... Прислали и все, мол, сама догадайся.

– И ты догадалась?

– Нет! Я позвонила Кэрол и спросила, чего ей от меня надо?! А она меня послала к чертовой матери и сказала, чтоб я ей не звонила. Никогда вообще.

– И ты?..

– И я вспомнила, что у меня ж сохранился код Мигеля. Ну, я позвонила ему. А он сказал, что помочь не может. Потому что у него самого все трудно. Он типа получил известие из Эльдорадо, что там переворот – не знаю, я в новостях смотрела, ничего такого, – и Вальдес уже летит на Землю, потому что ему тут убежище предоставили. А он, Мигель, наверное, попытается убежать и скрыться. Он уже достаточно освоился на Земле. Я его поддела, типа самый умный, а он сказал, что пойдет в контрразведку и сдастся. Только узнает наверняка, кто честный. И ему помогут, потому что он до хренища всего знает. Кстати, знал, кто и почему убил Тупак. Я говорю – да настоятельница ее Церкви, а Мигель ответил: нет, там баба дурная, но она ни при чем. Он бы доверился монаху, который его курировал, но тот куда-то запро-

пал.

– Кого ты предупредила? Ты на берегу сказала, что Мигеля Баша могли убить из-за твоей ошибки.

– А, забыла сказать. Это когда я ему звонила. Он тогда попросил меня не звонить ему. Потому что сейчас, мол, его старший в отъезде, мне повезло, а обычно он не может свободно разговаривать. Ну и обронил, что старший поехал убивать Джину Феруцци. А я ж ее знаю! Не близко, но она нормальная девчонка. Я думала, думала, в общем, я ей позвонила и посоветовала ноги сделать, потому что мне надежные люди кое-что шепнули. Знаешь, что меня поразило? Она даже не удивилась.

– И что с ней стало?

– На дно залегла. Она... – Нина помялась. – В общем, у нее бурное прошлое. Она с ним завязала, совсем, увлеклась церковной музыкой, но мастерство-то не пропьешь! Уж что она умеет делать, так это прятаться. Такое вот было прошлое. Ну да, криминал. Но Джина за него отсидела, три года, и завязала. А навыки-то остались. Не знаю, может, я и сумела бы ее найти, но... Я побоялась рисковать и привлекать к ней внимание. Вдруг выдам ненароком? Со всеми этими гипнотическими делами я сама не знала уже, можно ли себе верить. А так... чего не знаешь, того не выдашь. Ну и вот, когда я Мигеля мертвого увидела, решила: наверное, сболтнула кому-то в беспамятстве, что Мигель мне по секрету доверил. И его потом убрали.

Она замолчала. Шмыгнула носом, опасливо посмотрела на меня.

– Ну. Вот.

– Масуки Касиморо, – сказала я.

Нина выразительно поморщилась:

– Ничтожество. На самом деле ее зовут Ясмин Фора.

– Ты ее хорошо знаешь?

– Дел, ее все знают. О ней реально нечего сказать.

Она прилипала и подражала. У нее внутри пусто. Знаешь, есть много людей бездарных или не на своем месте, но это не значит, что они совсем никто. Все равно у них есть характер, какие-то свои мысли, свои мечты и мнение. А у этой – ничего нет. Вообще. Она всегда повторяет чьи-то слова, копирует кого-то, и даже не потому, что человек ей нравится, а потому, что он в моде. Мода сменилась – и она копирует уже кого-то другого. Ей ничего не надо, она плывет по течению. Причем это не актерская пластичность. Актер, извини, создает живого человека из придуманного образа. А эта не создает ничего. Зеркало ходячее. Ты с ней говоришь – а она отвечает тебе твоими же словами. Причем это настолько заметно, что вызывает отвращение. Бывает так, что люди зеркалят тебя, и кажется, будто это от великого понимания, что вы родственные души. А тут видно, что души-то нет.

– И что в ней нашла Кэрл? Или она не понимала?

– Да все она понимала. Кэрл с ней как с куклой для взрослых обращалась. А потом выгнала, потому что Масуки очень

навязчива. Она тут же прилипла к кому-то другому.

– Она имеет отношение к секте?

– Само собой. Модно же.

– Где они познакомились?

– Кэрол притащила ее с какой-то оргии. Ну и держала у себя, пока не наигралась.

– То есть Кэрол попала в секту до знакомства с Ясмин Фора?

– Естественно. Кэрол привел в Церковь ее тогдашний мужик. Кто он и что он – я не знаю. Кэрол шипит как гадюка, стоит хоть намекнуть на него. Я только слышала, что он, во-первых, на оргии не ходил и запрещал ходить Кэрол, а во-вторых, убит.

– Круто. Это все?

– Ну, почти, – призналась Нина. – Ты сейчас меня допрашивать все равно будешь.

– Не сейчас. Твой рассказ я записала, а продолжим мы лучше вечером.

– Но ты не выдашь меня Вере Харрис?

– Нет.

Я встала из-за стола.

– Ты куда? – испугалась Нина.

– В кабинет. Бланки договора о расследовании у меня там.

– То есть ты берешься? – Нина расцвела.

Я сдержалась.

– Пойдем.

Поднявшись в кабинет, я вынула из стола чистые бланки, заполнила их.

– Слушай, а что мне говорить? – сообразила Нина. – У меня, вот как ты сказала, причины нет. Ну то есть меня ведь на самом деле не шантажировали.

– Почему бы тебе не попросить расследовать деятельность секты, в которую тебя втягивают с неизвестным умыслом?

– Дел, ты умничка! Слушай, какая ж ты умная, я сколько тебя знаю, столько восхищаюсь...

Я жестом оборвала поток лести. Искренней, между прочим. Нина выговорила, ей полегчало, она обожала весь мир и повсюду видела лишь достоинства. Бросила ей бланки на подпись, она вернула их через полминуты – уже со своим автографом.

– А Август точно ругаться не станет?

– Ты поздновато об этом подумала. Это мои проблемы.

Нина замялась. Я заперла бланки в сейф – зарегистрирую их в полиции завтра. На сегодня у меня другие планы.

– Пойду, немного прогуляюсь. Мне нужно проветрить голову. И подумать о том, что ты рассказала.

– Хочешь, я с тобой?

– Нина, я хочу, чтобы ты вернулась в столовую и нормально поела. Ты вторые сутки клюешь как птичка, скоро падать на ходу начнешь. Поешь и постарайся хоть немного подремать. Хорошо? Ты обещаешь мне, что будешь отдыхать?

Нина неуверенно пожала плечами. А я сходила за жаке-

тиком, взяла Василису и действительно пошла гулять.

* * *

Наверное, следовало остаться дома и ограничиться прогулкой по саду. Но почему-то было душно и тесно, хотелось бездумного движения. Меня прямо-таки манило за ограду. И еще я нуждалась в отдыхе от людей.

Я понимала, что Нине после исповеди необходимо общес-тво, ей страшно наедине с собой. А у меня уже в ушах звенело. И подташнивало от мысли, что придется разговаривать с кем-то, сопереживать или хотя бы делать вид, что сочувствуешь. К тому же скоро должна была приехать Вера Харрис, и от меня потребуется ясный рассудок и много хладнокровия.

Словом, я взяла Василису, обрадованную внеплановой прогулкой, и пошла за ворота.

Пройдя немного по направлению к реке, я остановилась, а потом свернула на узкую боковую тропинку. Меня пугала мысль, что у реки я могу с кем-то повстречаться, место-то людное. Разумеется, относительно людное, но я сейчас и одного человека сочла бы толпой. Поэтому я решила, что сходить к баронскому замку будет неплохо. Там роща, довольно густая, сойдет за лесок, там слишком грязно для прогулок мамаш с детьми и вообще тихо и спокойно. А что именно в развалинах стоял робот-убийца, меня не заботило. Для ро-

ботов есть Василиса.

Позвонил Дик Монро, сквозь зубы поблагодарил меня за предупреждение. Оказалось, вовремя успел. Кэрол едва не сбежала, обдузив своих охранников. Но сейчас она в безопасности – Дик сам отвез ее в закрытую психиатрическую клинику и с рук на руки сдал врачам. Кэрол в пути вела себя пристойно и смирно, только вполголоса напевала дурацкие сектантские гимны, зато в клинике выдала припадок звериной ярости. Но ее быстро уgomонили.

Уже через двадцать минут я поняла, что все правильно сделала. Я раздышалась, голова прояснилась, даже усталость поуменьшилась. Настроение приподнялось, и мои перспективы больше не казались ужасающими.

Василиса внезапно застыла, подняв голову и хвост. Оглянулась на меня, и такой удивленной морды я не видела у нее давно.

– Хорошо, – сказала я ей, – давай сходим, проверим.

Василиса деловито проломилась сквозь кустарник и учесала в заросли. Вот спасибо, дорогая, теперь мне тоже придется лезть за тобой, цепляясь за все сучья.

Я сделала буквально десять шагов, когда услышала собачий скулеж. Это еще что такое?!

И я побежала, внутренне готовясь к худшему, – что Василиса угодила в браконьерский капкан или что она нашла труп Изабеллы Баш...

Нет. Не Изабеллы. В некотором смысле то, что я увидела,

было даже хуже, потому что отдавало садизмом.

К дереву были привязаны две собачонки. Те самые собачонки Мигеля Баша. А я-то удивлялась, где они, когда зашла во двор дома Башей... Их привязали за шеи, очень высоко, так, что собаки могли только стоять на задних лапах. Кора дерева была порядком исцарапана когтями, собаки старались освободиться. Собачонка поменьше уже безвольно висела, и я сочла ее мертвой. Правда, когда Василиса ткнула ее мордой, та трепыхнулась. Вторая была чуть получше, она-то и скулила.

Я подошла. Проклятье, их привязали не за ошейники, как я понадеялась. Их фактически повесили, на шнурах, которые в армии использовали в качестве тросиков для буксировки легкой техники. Порвать руками нереально, порезать без специального инструмента тоже. Собаки, пока дергались, затянули узлы намертво.

– Вася, – позвала я, – вся надежда на тебя.

Я потратила минут пять на уговоры и объяснения. Ну вот как втолковать киборгу, что не надо вставать лапами на головы несчастных, а надо опереться о дерево и из этого неудобного положения кусать шнуры? Киборг не пассатижи, и шнурок – не ее поводок, мешающий сбежать. В конце концов я просто схватила Василису за морду, раскрыла ей пасть и вознамерилась перетереть шнуры об ее зубы. Василиса от неожиданности пасть захлопнула, раздалось звонкое «чпок!», я чуть не получила обрывком шнура в глаз, а соба-

чонки упали наземь. Та, что побольше и поживее, тут же засуетилась перед Василисой, поджимая хвост почти до груди, перевернулась на спину, и вид у нее был перепуганный донельзя. А вторая легла и сжалась. Я ощупала ее шею, попыталась сунуть пальцы под петлю, чтобы ослабить ее. Какое там. И у второй, наверное, то же самое.

– Ладно, – вздохнула я, – пошли домой. Там я что-нибудь найду и освобожу вас.

Я отошла на два шага, большая собачонка побежала было за мной, а маленькая только дернулась – и снова легла. Я осмотрела ее. Похоже, она то ли сильно избита, то ли повреждена левая задняя нога – собачка вздрагивала, когда я ощупывала ее там.

Я с тоской поглядела на свой очень приличный жакетик. На свои руки и обувь. Нет ничего подходящего, чтобы сделать волокушу, тогда я запрягла бы Василису. Придется самой. Хотя бы часть пути.

Я позвонила Санте, объяснила, где нахожусь, и сказала, что мне нужен Кер с инструментами. Где в поместье может быть резак для буксировочных тросов, понятия не имею, но в гараже наверняка есть что-нибудь подходящее. А потом взяла маленькую собачку на руки и пошла назад.

Собачка дрожала, дышала хрипло и трудно. Я чувствовала, какой смертный ужас она испытывает, но даже сил на панику у нее не осталось. Вторая попыталась было сбежать, но у Василисы проснулись пастушьи инстинкты, и она жи-

венько пригнала беглянку назад.

Я не успела пройти и полдороги, когда наткнулась на Кера и Шона Ти.

– Леди Берг, – сказал Шон Ти, – конечно, вы мой работодатель и я не должен задавать вам вопросы, но почему вы пошли гулять одна?! Это опасно. Я слышал, в округе шастают странные люди, которых здесь никто не знает.

У меня забрали собачку. Вторая снова попыталась удрать, ее отловили, и Шон Ти на всякий случай тоже взял ее на руки. Она потрепыхалась и утихла, сунув нос ему под мышку. Кер принес компактный резак и избавил страдалиц от удушьяющих петель.

Мы принесли собак на псарню и запустили в свободный вольер. Собаки тут же забились в будку. Я сама принесла им тазик с водой и большую миску жидкой каши. Собаки даже выглянуть из будки побоялись. Бедолаги. Ладно, может, еще поедят и попьют, если оставить их в покое.

– Кер, – сказала я, запирая вольер, – звони ветеринару.

– Может быть, их сразу отправить в приют? – предложил индеец. – Там знают, куда обращаться.

Я подумала.

– Нет. Собаки останутся здесь. По крайней мере, пока я не узнаю, кто пытался убить их.

– Тогда надо сообщить в полицию.

– Поздно. Впрочем, я жду в гости федерального агента. Она подскажет, как решить вопрос.

Я вернулась в дом расстроенная. На пороге меня встретила Санта, критически оглядела испорченный жакет.

– Я попробую его почистить, – сказала она, – но, кажется, это бессмысленно.

– Не заморачивайся, – ответила я устало и рассказала про собак.

– Ужасные люди, – поддакнула Санта.

– Не понимаю. Если их хотели убить, почему не убили сразу? Зачем обрекли на такую долгую и мучительную агонию? Звери, а не люди.

Я поднялась к себе, переоделась. Позвонил Кер и сообщил, что приехал ветеринар, желает со мной побеседовать. Я вздохнула, и, на цыпочках пройдя мимо детской – Огги не спал, и если бы увидел меня, то поднял бы крик, – спустилась на первый этаж.

На дворе псарни былолюдно и шумно. Ветеринар – незнакомый мне старичок – разговаривал с Шоном Ти. Забавная картина: старичок был чуть выше талии орка, но держался куда как горделивее. Кер, благоразумно не подходя вплотную к вольеру, через решетку уговаривал Василису помолчать. А ее, похоже, заперли, чтобы не мешала работать, и теперь она возмущенно гавкала. Спасибо, решетку еще не пыталась вынести. А то ей эта загородка – на минуту злости. Ветеринару, видимо, никто не сказал, что это не сибирская овчарка, а сибирский киборг, поэтому он бесстрашно стоял к вольеру спиной.

Я поздоровалась с ним, потом спросила у Шона Ти:

– Зачем Ваську заперли?

– У доктора – диагностический робот, – ответил Шон Ти. – А собака и так возбужденная.

– И какая связь между моим роботом и вашей собакой? – удивился ветеринар.

Точно, не сказали.

– Это сибирский киборг, – пояснила я. – Списанный из космодромной охраны. Она всех роботов по умолчанию считает ворами. Иногда ей удается втолковать, что наших роботов убивать не нужно, но все равно она им не доверяет. А мы не доверяем ее послушанию в этом вопросе.

– Ха-ха, – сказал ветеринар. – Но ведь киборг же управляется жестко?

– Да, – согласилась я. – Но – мною. Персонал не имеет кода доступа.

– Вот оно что.

Еще несколько минут мы потратили на приготовления. Я утихомирила и выпустила Василису, та обнюхала ветеринара, рыкнула на его робота, потом отошла и легла посреди двора. Я рассказала врачу, при каких обстоятельствах обнаружила собак в роще за баронским замком. Кер и Шон Ти надели страховочные рукава, защищающие от укусов, и вынули собачонок из будки.

И тут выяснилось, что собачонки отлично знали ветеринара, а он знал их. Я с изумлением смотрела, как длинноухий

черно-пегий кобелек с жесткой терьерской бородой пополз к ветеринару на брюхе, извиваясь всем телом. Рыжая сучонка с полустоячими ушами и лохматым, очень грязным хвостом только скулила.

– Джембо, – ветеринар гладил песика, – Джембо, вот ты где оказался... Как же ты в беду попал, тебя же все любили?.. А это Кинни, – он показал мне на сучонку. – Я помню их еще щенками. Они жили в доме мистера Бора, это в новой части Пиблс. Очень хорошие собачки, очень. Их все любили – и хозяин, и соседи. Джембо – метис спаниеля, а Кинни – почти чистокровная вельш-корги пемброк. Я их прививал, потом, когда они подросли, стерилизовал. Они даже не болели, никогда. У Кинни зубки плохо росли, я удалял ей молочные, но коренные выросли отличные, и какие ровные! А полтора года назад мистер Бор умер. Его наследники хотели оставить собачек себе, но те очень тосковали. И тогда их передали в приют, чтобы на новом месте им ничего не напоминало о смерти горячо любимого хозяина. За их содержание хорошо платили. А владелица приюта не захотела искать им новую семью и собиралась переписать Джембо и Кинни на себя, она очень привязалась к ним. Да ведь они и вправду замечательные. Отрада души. Добрые, ласковые, игривые...
Добрые? Ласковые? Ничего не понимаю. Мы о ком вообще говорим?

– Доктор, они совсем недавно пытались меня покусать. И очень злобно реагировали на людей, которые подходили

к их новому хозяину. Кстати, их все-таки отдали. И отдали беженцу. Должно быть, вы слышали, вчера убили человека? Это их новый хозяин.

Ветеринар уставился на меня с изумлением:

– Не может быть. Вы говорите, их отдали тому мужчине? Позвольте, но я слышал про него. У него не было гражданства и недвижимости. Согласно законам Шотландии, лица без гражданства не имеют права содержать животных иначе, чем на своей земле. И тем более беженцу не позволяют взять животное из приюта. Это какая-то ошибка. Впрочем, мы сейчас все выясним.

Он подвел поближе своего робота – я цыкнула на Василису, уже изготавившуюся к атаке, – развернул диагностический стол, с усилием поднял и положил на него кобелька. Тот поджал хвост, но не огрызнулся. Ветеринар развернул монитор так, чтобы его могла видеть и я.

– Так-так, сейчас мы проверим чип... Вот запись о владельце... глазам своим не верю! Действительно, миссис Конер отдала их... Но никаких беженцев.

Я уже сама прочла. Новой владелицей собаки числилась некая Джеки Понс, гражданка Земли, проживающая в Мюнхене. Как интересно. У второй собаки, Кинни, хозяйкой считалась она же. Я набрала указанный в собачьем досье код владельца.

Ответа я не дождалась. Тогда написала сообщение, мол, ваши собаки находятся у меня, пожалуйста, откликнитесь,

иначе я вынуждена буду вернуть их в приют. Отправила. Через секунду пришло техническое письмо – мол, невозможно установить связь. Что ж, тогда пойдем другим путем. Я позвонила миссис Конер, владелице приюта для животных, и попросила заглянуть в поместье.

Ветеринар тем временем делал свое дело. Ворчал под нос, хмурился.

– Мисс Берг, я считаю, ваш долг – сообщить в полицию, – сказал он наконец. – С этими собаками обращались крайне жестоко. Они истощены, у них множество травм, и свежих, и хронических. Их били, да нет, их просто избивали. Постоянно. Палкой. И еще у них... Вот, глядите, – он повернул ко мне монитор сканера. – Это кишечник. Он заполнен каловыми массами. Они не отходят. И заметьте – у обеих собак картина одинаковая. Как будто в прямой кишке пробка. Я говорю «как будто», потому что мне это кажется подозрительным. Кишечная непроходимость – довольно распространенное явление у собак, особенно если с ними дурно обращаются, и собаки поглощают различные несъедобные предметы. Но чтобы у двух собак эта непроходимость выглядела совершенно одинаково?! Позвольте, я сейчас проведу исследование прямой кишки...

Он потянулся за датчиком, и я схватила его за руку.

Мне стало холодно. Я вспомнила своего маленького сына, потом почему-то – Августа.

Я никогда еще не была так близко от смерти, как в те ми-

нуты, когда несла на руках маленькую Кинни.

– Доктор, не стоит.

– Но почему? Я увижу, что за пробка, возможно, удастся облегчить муки животных без хирургического вмешательства.

– Не сомневаюсь. Их муки прекратятся мигом и навсегда. Наши – тоже.

– Что вы говорите?

– Это взрывчатка, доктор. Собак начинили взрывчаткой, превратив в живые бомбы.

Кинни, словно поняв мои слова, заплакала.

* * *

Полицию вызвать пришлось.

На ветеринара было жалко смотреть. Даже жалче, чем на собак. Несчастные собачонки, почуяв близкую смерть, заглядывали нам в глаза – а мы отворачивались, потому что ничем не могли помочь им.

Приехала владелица приюта, узнала о происшествии, долго не верила, что с ее собачками так жестоко поступили. Расплакалась.

– Она такая славная, эта Джеки, – рассказывала миссис Конер. – Молоденькая, глаза ясные. Да, она из Мюнхена, а здесь у нее жених. Да, он не местный, только-только переехал, и она к нему... Что? Нет, я не проверяла жилищ-

ные условия... – тут она растерялась, забормотала: – Чудесная девушка, такая милая. Такая молоденькая, взгляд ясный. Жених у нее тут.

– Какие документы она предоставила? – спросила я.

– Документы? Что? А-а, никаких. Понимаете, такая славная девушка. Взгляд ясный...

– Как она выглядела? – перебила я, уже сообразив, что здесь без врача не обойтись.

Без психиатра.

Миссис Конер подавилась словами, покраснела, выпучив глаза. Но через несколько секунд опомнилась.

– Вашего роста, худенькая, но сильная. Волосы у нее короткие. Средние, не темные, не светлые. Обычная девушка. Я еще подумала, что она немка. Знаете, такая шея... короткая.

– Разве у немок короткие шеи? – удивилась я.

– Нет, но я подумала, что она немка. Она из Мюнхена, знаете ли. А здесь у нее жених.

– Вы ее жениха не видели?

– Да как же не видела? Сколько раз! Он на реке рыбу ловил. И собачки с ним. Ах, какая, знаете ли, пасторальная картинка – приятный молодой человек, и собачки его так любят... Прямо так и ластились к нему, так и ластились.

– Вы разговаривали с ним? Или с мисс Понс – после того, как передали ей собак?

– Нет, но они оба такие милые, такие славные... Жаль,

что немцы. Лучше бы им быть шотландцами. Но хорошо, хоть не англичане!

Полицейские спорили между собой. Им требовалось увезти собак в лабораторию, но как? По идее, во взрывобезопасном контейнере. Но тот закрывается герметично, и собаки внутри него быстро задохнутся. Такая смерть куда мучительней гибели от взрывчатки. И как потом отчитываться за смерть животных? Но и перевозить их без надлежащих мер безопасности нельзя. В конце концов пришел Кер и предложил взять на время Васькину клетку для путешествий. Она сверхпрочная, рассчитана на сибирского киборга. Понятно, что от ударной волны не защитит, но если контейнер поставить внутрь нее с приоткрытой крышкой, то пускай крышку срывает взрывом, прутья ее удержат. А если везти клетку не в багажнике полицейского фургона, а в кузове грузового автоматического такси, то риск практически исчезает.

Собак погрузили в контейнер, сунули его в клетку. Аккуратно поставили на садового робота-носильщика. Держась на почтительном расстоянии, медленно пошли к воротам поместья. Я зажмурилась, сдерживая слезы. Зараза Василиса еще и завывала. Нет, не как по покойнику, а просто завывала, она последние дни делала это часто, но сейчас очень уж не к месту пришлось. Ветеринар невежливо выругался и побежал за полицейскими. Ненормальный, подумала я, ведь попытается оперировать собак, рискуя жизнью. Да, рядом

будет взрывотехник, проконсультирует, но... А с другой стороны, как бы доктор потом жил, если бы бросил этих горемык?

Ладно, решила я, если спасет – возьму псов себе. Пусть там, на небе, запишут куда-нибудь мою маленькую жертву.

А вот что непонятно: на кого, собственно, был расставлен этот капкан?

Потому что предсказать мою прогулку в развалины было нельзя. Я поддалась капризу. Даже вздумай я осматривать руины в поисках следов убийцы – зашла бы со стороны реки. Да и вероятней, что следы стал бы искать какой-либо ретивый полицейский, в крайнем случае – федерал.

Значит, меня в этой схеме не было.

Капкан расставили на кого-то, кто должен был появиться там не позднее сегодняшнего вечера. Тот, кто пришел бы туда обязательно.

– Миссис Конер, скажите, вы, случайно, не знаете, кто любит гулять в роще за баронским замком?

– Любит?! – возмущенно воскликнула она. – Да никто не любит, поверьте мне. Мэр уже несколько лет грозитя расчистить те заросли. И хорошо, что в бюджете города нет на это средств. Иначе где бы тогда мы выгуливали наших собачек из приюта?

– Вы там выгуливаете собак?

– Да, каждый день! Именно потому, что там никого нет. Я-то уже немолода, да и дел много. Мой сын водит.

– Ваш сын, – повторила я.

– Да! Раньше я одна и одна, а тут он с женой развелся и ко мне приехал. Он в Мюнхене жил. Помогает с приютом, хотя у него работа в Эдинбурге. Очень важная работа. Я не знаю, какая, что-то секретное.

– Он ведь тяжело переживает развод?

– Ни-ни, что вы! Да зачем ему этот павиан самодовольный... Ни капельки он не переживает. У него работа, друзей много, и в Эдинбурге, и здесь. А уж как он любит собачек! Каждый вечер, представьте себе, каждый вечер их выводит! На целых три часа!

– Он верующий?

– Нет, хотя это плохо... наверное. Совершеннейший атеист. Молодой был, я ругала его за это, а потом решила, ему виднее, и как-то привыкла.

– Миссис Конер, а вы не вспомните, кто именно познакомил вас с Джеки Понс? Не ваш ли сын?

– А вот и нет. Это я помню точно. Потому что я подумала: мой сынуля десять лет прожил в Мюнхене, город любит очень, а вот девушка из Мюнхена, надо сказать ему, вдруг они знакомы. А не знакомы – так что за беда, подружатся.

– Сказали?

– Сказала!

– А ваш сын?

Миссис Конер растерялась.

– Ох, что-то память меня подводить стала. Не помню, со-

всем не помню. Но конечно, что-то хорошее сказал. Ведь такая славная девушка, и взгляд ясный...

Я вытерпела очередной цикл заевшей программы.

– Миссис Конер, пожалуйста, передайте вашему сыну мой код. Мне очень нужно побеседовать с ним.

– Вот не знаю, не знаю. Он очень занятой человек, правду говорю. Весь в делах. Мне даже совестно было, когда он вызвался с собачками гулять. Но сынуля говорит, это для него самый лучший отдых, он так голову проветривает... Найдет ли время?

– Постарайтесь устроить так, чтобы нашел.

Можно было добавить «если вам дорога его жизнь», но я не стала. Миссис Конер болтлива, она вцепится в меня как клещ, требуя подробностей и разъяснений. А разъяснять я не хотела. Увы, миссис Конер была откровенно глуповата – раз сама еще не сложила два с двумя. А разговоры с дураками – которые, естественно, считают себя умными, поэтому весьма нервно реагируют на ситуации, где они блеснули недогадливостью, – отнимают слишком много сил.

Я добрела до Детского Дома, вошла в холл и увидела Веру Харрис.

* * *

– Делла, я гляжу, ты развила бурную деятельность!

Я ответила таким взглядом, что Вера поспешила изви-

ниться:

– Нет-нет, я не хотела задеть тебя. Я видела, что приезжала полиция, они сначала пошли сюда, но твоя прислуга живо их выпроводила. А я подумала: второй раз за день ты вызываешь копов. Никак работа пошла?

– У меня такое ощущение, словно не спала три месяца, – сказала я. – И месяц не ела, хотя обедала три часа назад.

– Если ты голодна и не хочешь ждать ужина, с удовольствием составлю тебе компанию.

– В кабинете?

– Как тебе будет удобней.

Я послала Санту на кухню за любой готовой едой, поднялась в кабинет. Прикрыла дверь, показала Вере на бар. Она выбрала самое легкое пиво.

– Изабеллу Баш увезли вчера ночью, – сказала она, не дожидаясь моих вопросов. – Соседи проснулись, потому что залаяли ее собачонки. Пришла машина, седан «Корво», бежевый. Из него вышло двое монахов-доминиканцев. Изабелла открыла им дверь со двора, впустила в дом. Через несколько минут один монах вышел, отловил собачонок и сунул их в багажник. Еще через десять минут вышла Изабелла Баш со вторым монахом. Они сели в машину и уехали. На балансе ответственности ордена – собственности у них нет, только ответственное пользование – таких машин нет. Распоряжений о переводе Изабеллы Баш в другое место не отдавалось. В доме остались только голые стены, к то-

му же идеально вымытые. Никто из соседей не заметил, как и когда увезли вещи – а ведь там был бутик. Но простой опрос показал, что вечером, сразу после гибели Мигеля Баша, шел популярный сериал. Все соседи Изабеллы и Мигеля этот сериал любят и смотрят. Никто не смог вспомнить содержание серии, которая шла в тот вечер. Внешние камеры по всему кварталу отключены уже вторые сутки, причем так, что в диспетчерскую не поступали сигналы о поломке. Гильза, которую ты увидела, явно подброшена. Да, от патрона под «Раббит». Я сильно сомневаюсь, что имеет смысл искать Изабеллу Баш – она наверняка или мертва, как ее брат, или сменила документы. Но есть идея: можно поискать по собакам. Ведь зачем-то же она взяла их с собой. Может быть, привязана к животным. Собаки взрослые, значит, Баша взяли их уже здесь, а не привезли с собой. Они должны быть чипированы.

Я рассказала ей про собак. Вера выслушала молча, сохраняя невозмутимость.

– Какой интересный поворот сюжета. Если бы ты не нашла собак, часом позже их подобрал бы сын миссис Конер. Нет сомнений, что принес бы в приют. Конечно, его мамаша тоже прибежала бы. Бомбы сработали – и не осталось никого, кто видел эту Джеки Понс... А чем занимается сын миссис Конер?

– Понятия не имею. Приехал из Мюнхена. И Джеки Понс оттуда же. Вера, знаешь, что меня настораживает? Новая

агентесса у вас – тоже из Мюнхена.

– Да, я тоже о ней подумала. Пожалуй, я проверю, хватит ли моего допуска, чтобы вынуть ее досье.

Она развернула с браслета наладонник и замолчала. Пришла Санта с большой корзиной. За ней Моника толкала столик с чаем и кофе.

– С сегодняшнего дня, Делла, у нас новый повар, – объявила Санта. – Он на осьмушку индеец. Мне понравился. Горячей еды сейчас нет, но есть разные холодные вкусности. Он собрал их в корзинку и просил передать: хорошо бы, если бы ты оставила капельку аппетита для ужина, а то он готовит оленину и уверяет, что такого мяса ты еще не пробовала.

Я молча смотрела, как Санта ловко и быстро сервирует закуску – без колебаний используя для этой цели декоративный столик, невесть какими путями оказавшийся в кабинете. Впрочем, под кабинет эту комнату начала использовать только я, а раньше тут была угловая гостиная. Но столик точно не годился для еды, он для красоты стоял, блестя инкрустированной столешницей и поражая взоры единственной, зато грациозной ножкой.

Санта ушла. Я собралась было уже предложить Вере угощение, когда на мой чип пришел вызов.

– Здравствуйте, мисс Берг, – прозвучал приятный, хотя и жесткий мужской голос. – Я Лоренс Хикати. Вы сегодня беседовали с моей мамой, миссис Конер.

– Да, конечно. Мистер Хикати, у вас есть пара свободных

часов сегодня вечером?

– Нет. Каждый вечер я выгуливаю собак из маминого приюта.

– Я бы советовала вам на несколько дней отменить прогулки в безлюдных местах.

– Мисс Берг, я понимаю, вы порядком напуганы тем, что произошло. Но вам совершенно не нужно беспокоиться за меня.

Я помолчала.

– Где вы работаете?

– Я работаю в Агентстве федеральной безопасности. Это все, что вам можно знать обо мне.

– Вы очень сильно удивитесь, узнав, сколько мне на самом деле можно знать. И не только про вас.

– Мисс Берг, разумеется, я наслышан и о вас, и о вашем боссе. Но поверьте: пока я не нарушаю закон, у вашего босса нет права даже спрашивать обо мне.

– Мистер Хикати, вы сейчас беседуете не с ассистентом инквизитора, а с майором специальной разведки. Находящимся при исполнении служебных обязанностей.

– А, – сказал он, и я услышала подобие радости в его голосе, – это меняет дело. А как насчет допусков?

– Я же не могу предъявить их в голосовом канале.

– Безусловно. Хорошо, значит, вы хотите увидеться сегодня? Я готов. Когда, куда?

– Подходите к главным воротам поместья Маккинби.

Вас встретят и проводят ко мне.

– С вашего разрешения, я подойду через час. Видите ли, мама переволновалась.

– Понимаю. Хорошо, через час у главных ворот.

Я отключилась. Вера тоже закончила свои дела и приглядывалась к еде.

– Вера, ты слыхала о Лоренсе Хикати?

Она замерла, удивилась:

– Да. А что?

– Сын той самой миссис Конер.

– Во-от оно что... Делла, а ведь ты предотвратила очень резонансное убийство.

– Он так хорош?

– Да. Хотя, – Вера усмехнулась, – тоже приехал из Мюнхена. Но с ним все понятно: Эдинбург четыре года переманивал его к себе. Он один из крупнейших специалистов по психике человека. И единственный – кто действительно разбирается в психике инородцев. Он начал работать в Мюнхенском университете, потом ушел в Институт проблем разума, а оттуда уже мы его переманили. В принципе, ему в нашем Центре лучше – у нас и возможностей больше, да и многие проблемы, которые он только наметил, но не мог разрабатывать, у нас востребованы. Но у него была дьявольски запутанная семейная ситуация, и он не мог переезжать, пока не разберется с нею.

– Специалист по психике – запутался?

– Как обычно, Делла, сапожник – без сапог.

Я показала ей на столик. Сама взяла пирожок с лососиной и чашку чаю.

– Моего допуска хватило, чтобы получить внутреннее досье Дуглас, – сказала Вера, аккуратно вынимая из сэндвича листик салата. – И знаешь, то ли у меня паранойя, то ли оно прилизанное. Конечно, есть вероятность, что она с детства пахла на красивое досье, – Вера сжевала салат. – Но тогда она еще хуже, чем я думала.

– Есть что интересное?

– Ни-че-го. Образцово-показательное досье агента федеральной безопасности. Я его присовокупила к тому пакету, который приготовила для тебя.

– Лоренс Хикати обещал подойти через час.

– О-о! – Вера смешливо закатила глаза. – И это ты называешь «место, где нельзя испортить репутацию»?

– Судя по обмолвке его матери, он предпочитает мужчин.

– Только в работе, Делла, только в работе. А так он предпочитает все, что шевелится. Он феерический волокита. Его у нас прозвали сексуальным террористом. Но очень обаятельный. Ему, что называется, все возрасты покорны. Что характерно, не придает юности повышенного значения. Мне уже передали его комплимент в мой адрес – мол, единственная женщина, с которой он хотел бы работать. Я ответила честно, что у меня уже есть любимый муж. Даже интересно, что он подумает, увидев меня здесь и без мужа? Хотя

что значит – интересно... Все понятно, что он подумает.

– Но женат он был на мужчине?

– Делла, поэтому я и говорю, что семейная ситуация у него была сложная. Я вообще, честно говоря, не поняла, кого он в этой семье любил. Ты тоже пойми, он в некотором смысле герой наших сплетен... Он был женат на мулате дивной красоты. Таком, что, если не знаешь наверняка, с первого взгляда не поймешь, это парень или девчонка. Делла, я знаю, что ты скажешь – моторика, мимика, все такое. Я тебе говорю – не поймешь. Потом, на второй-третий раз видишь: парень. Но я не уверена, что этот брак был браком в полном смысле слова. Скорей всего, фиктивный союз, потому что у этого мулата семь сестер и очень красивая, белораморная, очень моложавая мама.

– И любил он маму?

– Я подозреваю, что да. Но жил, кажется, со всеми.

– Вера, и какое отношение он имел к Ордену Евы?

Она отложила недоеденный сэндвич:

– Мне тоже это интересно. Одно могу сказать: лучше не вспоминать при нем даже о Библии.

– Вот эти методики, при помощи которых люди забывают какой-то период времени...

– Он придет, спроси. Я тоже с удовольствием послушаю.

Мы успели перекусить, обсудить несколько загадочных смертей в Эдинбурге – две из них, несмотря на сильное сходство с заказным убийством, я тут же отвергла, они были яв-

но посторонние, – политику руководства и даже прикинули, кто из коллег Веры может оказаться предателем.

Я ухитрилась ни разу не намекнуть на факты, о которых поведала Нина. Это мой козырь, мой большой секрет. Опять же, что знают двое, знает и свинья. Не хочешь, чтобы обставили на повороте – молчи о том, насколько мощный у тебя двигатель и хороша подвеска.

А потом Кер привел мистера Лоренса Хикати, и я потеряла дар речи.

* * *

Лоренс Хикати был самым некрасивым и самым низкорослым человеком, какого я только видела в своей жизни.

Он был чуть выше моего плеча, с морщинистым лицом, плешистый, с масляно-кариими глазами навывкате, толстыми губами, без шеи, с круглым туловищем паука, большим животом и тоненькими ножками коленками внутрь. Я бы сказала, что он индус, но я никогда не видела плешистых индусов. Я бы сказала, что он семит, но у семитов не бывает такой феноменальной, обратно-яйцевидной формы черепа и такой темной кожи. Эта ошибка природы выглядела старше своей матери и к тому же деликатно подворачивала шестой палец на левой руке. Ну чтоб не шокировать окружающих.

Конечно, я сразу поняла, что он гений.

Он просеменил по комнате, бросив косою раздевающий

взгляд на Веру Харрис – и железная Вера аж зарделась, потупила глазки как девочка! – и подошел ко мне.

– Майор Берг? – спросил он очень деловито, и даже масляный блеск его глаз пропал. Он протянул мне правую руку, и я обратила внимание на небольшой шрам: значит, у него обе руки были шестипалые, но на одной он лишний палец удалил. – Капитан медицинской службы Хикати, откомандирован в ваше распоряжение.

Ого. Даже так. Я ответила на рукопожатие, показала ему на свободный стул:

– Прошу вас. Убедитесь в моих полномочиях, – я протянула левую руку.

– В этом нет необходимости. Я получил приказ буквально через пять минут после нашего с вами разговора. Хотя, пожалуй, вам стоит убедиться, что я тот, за кого себя выдаю.

Кажется, он решил, что для меня это испытание – коснуться запястья его левой руки, с раскрытой ладонью и шестью растопыренными пальцами. Я получила на чип пакет, внимательно просмотрела – да, все прекрасно. Действительно, направлен ко мне консультантом в связи с проводимой мною подготовительной работой по встрече иностранной делегации. Приказ подписан министром Колином Ронту.

– Капитан Хикати, мы здесь без чинов.

– Как скажете, мисс Берг. Лишь бы всем было комфортно. – Он посмотрел на Веру Харрис.

– Часть помощников я вправе выбирать сама, – поясни-

ла я, верно истолковав его взгляд, мол, что здесь делает федеральный агент? – Что ж, раз зашла речь о комфорте... Мистер Хикати, почему вы удалили лишний палец только на одной руке?

– Потому что три года назад я прищемил его дверью. И раздробил. Можно было срastить, но я решил, что это повод от него избавиться. Он мне к тому моменту уже порядком надоел, как бородавка на причинном месте. Не хватило смелости отчекрыжить сразу оба, почему-то думалось, что меня как-то изменит нормальное число пальцев на руках, опять же, это хоть неправильная, но моя часть, жалко же просто взять и отрезать ее. А если мне не понравится? Поэтому я ограничился только одним. Мол, если все будет хорошо, то и второй отхвачу. Впоследствии я здорово пожалел о своем малодушии. Потому что мне понравилось без пальца, но совершенно не понравился наркоз. У меня непереносимость на средства для локальной анестезии, а насчет общего я не знал, поэтому мне дали его. Я чуть не помер, – он картинно пофыркал и пожал плечами. – Так и хожу теперь. Я вам честно скажу: каких-то особенных проблем с шестью пальцами нет, но наш мозг заточен все-таки под пять. И что делать с шестым, мозг представляет очень плохо. Я, например, использую лишний мизинец как предмет на случай, если мне потребуется совершить невротическое движение. Встречный вопрос, мисс Берг: вам не страшно ввязываться в этукую переделку?

– Страшно, конечно, – ответила я хладнокровно.

– Это хорошо, – он заулыбался, показывая неровные зубы.

Поразительный человек. Другой бы на его месте уже к двадцати исправил столько недостатков своей внешности, на сколько денег хватит. Как минимум – лишние пальцы, зубы, тон кожи, фигуру. А этого ничего не заботило. И я поняла, что имела в виду Вера, упомянув о его обаянии. Спать с ним я не стала бы, но находиться с Хикати в одной комнате было приятно.

Я бы сказала, тепло.

– Я опасаясь людей, которые ничего не боятся. Особенно женщин. У мужчин это еще может быть неопытность, а у женщин точно – проблемы с психикой.

– Тем не менее вы несколько лет сотрудничали с Орденом Евы, – я закинула пробный шар.

– Ну это громко сказано, – он не смутился ни капельки. – Я старался вынуть оттуда свою семью. Я понял, что в лоб проблему не решишь, придется искать обходные пути. Честно говоря, не особо преуспел. Но кое-кого я все-таки спас!

– Обходные пути – это брак с мальчиком, притом что вы любили его мать?

– Вы отлично осведомлены, – похвалил он меня. – Я люблю, когда обо мне все знают. Значит, я уже точно никого не шокирую. Понимаете, с моим интеллектом это проблема. Я все время забываю, что другие люди не так умны, но зато болезненно самолюбивы и перегружены всякими стереоти-

пами. Я, кстати, всегда спорил с коллегами на предмет стереотипов. Я вот считаю, что они нужны человеку. Они помогают ему структурировать время и пространство своей жизни. Избавляют его от мучительных раздумий по каждому пустячному поводу. Все, в чем нуждается человек со стереотипной психикой, – это знать, какие у него стереотипы, откуда они взялись, где они полезны. И, конечно, помнить, что у другого человека есть свой набор и его надо уважать.

Я ответила легкой улыбкой и включила чайник на подогрев.

– Я не очень-то болтлив обычно. Просто сейчас я несколько смущен. У меня тоже есть стереотипы. Я ничуть не жалею о своем браке. Малыш Нюр – вы бы его видели. Это одно из самых красивых и гармоничных человеческих существ в мире. Но что ему светило бы в секте? Его бы изуродовали. Он нежный, чуткий, его психика такова, словно он живет без кожи и всякое грубое слово отзывается в нем физической болью. Он совершенно не способен злиться, завидовать, ненавидеть. Он не от мира сего. Да, я женился на нем. Потому что это был единственный способ вытащить его из тюрьмы, в которую превратилась его семья. А его мама... Человек слаб. Это я про себя. Я бы даже сказал, он не слаб, он иногда безволен и склонен думать теми местами, которые для размышлений непригодны. Я не уверен, что любил эту женщину. Иногда мне кажется, это была такая острая и предельно извращенная форма ненависти. И она

была взаимной, вот ведь что притягивало. Представьте себе два отрицательно заряженных полюса магнита – и они притягиваются вопреки всем законам физики. Загадка? Тайна? Противоречие? Это пьянящий коктейль. Но потом мне пришлось лечить похмелье от него. Жаль. Она умная женщина. Очень умная. Знаете, я даже мысленно никогда не называл ее по имени. Она великая женщина. Но при этом – самая большая дура, какую я только знал. Когда я понял, что она дура, мне стало скучно. Я забрал из семьи – и, соответственно, секты – Малыша Нюра, двух его сестер и ушел. Нюра с сестрами я отправил в хорошее место, а сам окунулся в работу. Я так соскучился по нормальной работе за эти годы, вы себе не представляете.

Я машинально следила за ним. И внезапно поняла, что он ни капельки не лжет. Его жесты, мимика, даже легкий невроз, проявлявшийся в манере прятать лишний мизинец, – они абсолютно соответствуют и интонациям, и словам. Лоренс Хикати был цельным и прямодушным человеком. Невероятно. При такой внешности и таких мозгах его должно было разрывать на части между жалостью к себе и ненавистью к миру.

– Мистер Хикати, вы, похоже, довольны собой.

Он засмеялся – по-детски открыто.

– Мисс Берг, ну что вы! У меня есть зеркало, и я каждый день вижу в нем то же самое, что вы видите сейчас напротив себя. Конечно, было время, когда я очень огорчился.

Иногда я плакал. Любовь моей мамы ко мне казалась патологической, жертвенной – ну как можно любить вот такое? – он обеими руками показал на свой живот. – Но я довольно рано получил надежное свидетельство того, что Господь добр. Красивое тело – это талант, как считали древние греки. У меня его нет. Но есть другие таланты! Когда я понял, как щедро одарен, то перестал сердиться на зеркало. У меня есть особый дар, я не стесняюсь его, напротив, стараюсь поделиться им со всем, что вижу. Я, видите ли, умею любить. Я умею и люблю любить. Я люблю постоянно, каждую секунду, у моей любви может быть множество форм, но нет ограничений – она бездонна и бесконечна, во всем мире нет ничего, что могло бы взять ее полностью. И все живое отлично чувствует во мне этот талант. Моя мама как-то сказала, что в Средние века меня непременно сожгли бы на костре, сочтя колдуном. Я рассмеялся: разумеется, нет! Потому что судьи и палачи ответили бы взаимностью на мою любовь и пальцем бы меня не тронули. Секс? Мне не отказывают, и это не хвастовство. Просто я вижу, какой любви недостает человеку – плотской, духовной или же любви разума. Ищет человек любовника, брата или коллегу. И я могу и хочу дать ему то, о чем он мечтает! Таким даром наделил меня Господь. Так и это не все! В придачу к дару он дал мне хорошие мозги, чтобы я умел правильно распоряжаться своим духовным сокровищем. Думаю, я хорош таким, каким родился. Я живу в мире с собой.

– Ваша мама говорила, что вы атеист.

– С ее точки зрения – да. Я всегда отказывался ходить в церковь. Зачем мне церковь, зачем писания, молитвы, ритуалы, когда я каждый день вижу Господа вокруг себя? Я вижу Господа творящего – в каждой частичке этого прекрасного мира. Я вижу Господа справедливого – в том, как недостатки уравниваются достоинствами. Я вижу Господа милосердного – в том, что доброты в мире больше, чем ненависти. И это так, иначе наш мир не смог бы развиваться. Мне не нужно все то, чем люди обставляют свою веру. Вот ведь навдумывают себе разных ритуалов, а их необходимость оправдывают божественной волей. Еще что-то там пытаются познать, объяснить... Да не нужно это! Господь создал наш мир от любви. От любви не к кому-то или чему-то, а просто от любви. Безадресной и безусловной. Не нужно тут ничего объяснять или познавать. Нужно просто любить.

– А как же спасение души? Бессмертие?

Хикати пожал плечами:

– Так это же литературная версия закона сохранения энергии, не более того. А что касается...

– Секты, – перебила я с улыбкой. – Мистер Хикати, за что вас хотят убить?

Слабое место у него все-таки было. Потому что он растерялся, и даже его радужное обаяние на миг пропало.

– Что вам известно о секте такого особенного?

– Да ничего, в том-то и дело, – огорченно признался Хи-

кати. – Мне так и не удалось пролезть в их штаб. Грустно, да, но мои ученики талантливей меня. Но я еще побарахтаюсь!

– Я гляжу, сам факт покушения вас не шокирует.

– Если честно, меня бесконечно шокирует способ. Бедные собачки. А покушения я ждал. Строго говоря, меня предупредили.

– Были угрозы?

– Нет-нет! – Хикати заулыбался. – Предупреждение. Видите ли, эта секта не угрожает. Они учли опыт предшественников и не оповещают весь белый свет о своих намерениях. Вы даже вообразить не можете, сколько убийств происходит ежедневно только потому, что человек перешел дорогу сектантам или оказался им больше не нужен. И эти убийства с виду никак не связаны между собой. Если бы наши мас-медиа узнали хотя бы о десятой части, человечество уже билось бы в панике.

– А вы?

– Разумеется, я делаю все, что в моих силах. Но я сам знаю лишь о методах, а не о конкретных исполнителях. Да, я могу по некоторым признакам определить, что за тем или иным убийством стоит секта. Таким образом я вычисляю примерно пять-шесть процентов всех преступлений.

– Погодите, вы хотите сказать, что секта занимается преднамеренным уничтожением людей?

– Именно так. Каждый день погибает несколько десятков человек. По всей галактике.

– Но это же масштабы войны.

– А вы рассчитывали, что с вами будут вести мирные переговоры? – Хикати очень неприятно рассмеялся. – Делла, оставьте эти иллюзии. Впрочем, о чем это я... Я тоже ведь прекрасодушный идиот. Пытался управиться своими силами. Мне казалось, это игра. Опасная, но игра. А теперь я хожу, улыбаюсь, флиртую с женщинами, но ни на секунду не забываю, что каждый мой новый день может оказаться последним.

Я ничего не ответила. Вера, сидевшая напротив молча, словно растворившись в атмосфере, следила за Хикати прищуренным колючим взглядом.

– Леони, – вздохнул Хикати. – Леони Хоффманн. Мать Нюра. Да, вы правы, все из-за нее. Она моя ученица. Моя, черт побери, лучшая ученица. Она гениальна. Она совершенство. Я влюбился в нее с первого взгляда. Она была студенткой, а я – я уже немолодой, некрасивый. Что мне было делать? Конечно, я постарался поразить ее своим умом. Получилось. Она вытирала ноги о своих ровесников, но не отрывала взгляда от меня. Я помню, была история, ее обвинили в доведении до самоубийства. Я виноват просто по уши, потому что тогда дал показания в ее пользу, не разобравшись. Мне и вправду показалось, что это совпадение. Лишь много позже я понял: Леони испытала свое оружие на очередном поклоннике. Да, он был тот еще мерзавец, никто с этим не спорит, но она – она-то убийца. Понимаете, она лю-

била меня потому, что я знал больше нее. Она всегда хотела властвовать. Безраздельно. Психология ей была нужна как средство. А я – пожилой осел, который развесил уши и сам, своими руками, своими мозгами обучил ее. Я понимаю, что на моем месте мог оказаться кто-нибудь другой. Да хоть Антуан Моро.

– Который недавно умер? – уточнила Вера.

– Убит, – поправил Хикати. – Вот вам и пример убийства сектой... Впрочем, я уже изложил свои соображения насчет Моро, надеюсь, меры будут приняты... Понимаете, для Леони было не так важно, кто станет ее учителем. Она настолько талантлива, что ей требовалась лишь база, фундамент. Кирпичики, из которых можно выстроить свою систему. Когда я понял, что она пользуется мною, что сердца у нее нет, то разорвал наши отношения. Она даже не огорчилась. Наши пути разошлись, я получил увлекательную работу вне Земли. Она тоже. И спустя много лет мы снова встретились. Она почти не изменилась. У нее было восемь детей, рожденных от пятерых мужей. Младшему сыну, Нюру, тогда едва исполнилось восемнадцать. Она так и не научилась любить, зато осознала, что страсть может быть приятной. А я потерял голову. Она наотрез отказалась выходить за меня замуж. И сказала, что дочерям тоже не позволит. Мол, если я хочу войти в семью, могу жениться на ее сыне. А я взял и женился. Так я оказался в Мюнхене, в этом Институте, из которого секта сделала базу... Поначалу мне очень нравилось. Пер-

вые два часа. Это ведь превосходная идея – используя психологические приемы, сделать человечество добрее и чище. Построить новый мир, как они это называют. Но, конечно, я не первый день живу на свете. Такие идеалы всегда заявляет организация, которая мечтает не о новом мире, а о власти над тем, что есть. Всегда. Но я виду не подал. Я подумал: да не глупей же я своей ученицы. Они хотят завербовать человечество? А я завербую их самих.

Он сплел пальцы в замок, с некоторым удивлением посмотрел на них.

– Да. Я дурак. Я недооценил Леони в одном отношении и переоценил в другом. Она действительно талантливей меня. Я до сих пор не нашел средства, которое позволяло бы нейтрализовать ее методики полностью... я близок к решению, уверен, что справлюсь, результаты обнадеживают. Тогда мы сможем реабилитировать решительно всех рядовых членов секты и случайных свидетелей. Да-да, я говорю о случаях загадочной амнезии – в том числе. Но основную свою задачу я вижу не в излечении, а в профилактике. Я работаю над тем, чтобы дать людям оружие от вербовки. Чтобы люди могли сопротивляться. А здесь до результата еще очень далеко. Все методики, которыми пользуется секта, разработала Леони. И я напрасно ждал, что она посвятит меня в свои секреты. Конечно же нет. Она надеялась вынуть из меня что-нибудь еще. Она чрезвычайно жадна до новых знаний. Только она дура. Она не понимает, что обречена. Зачем главарям

секты человек, который не менее властолюбив, но притом способен их подвинуть? Я не знаю, сколько она еще проживет – день, неделю? Вряд ли больше. Секта близка к цели. Поэтому будет избавляться от всех, кто способен конкурировать с главарями. Леони отвергает эту мысль. Ей кажется, что уж ее-то не тронут никогда.

– Когда вы с ней разговаривали? – спросила Вера.

– Сегодня, – убито признался Хикати. – Сразу после того, как узнал, что на меня выставили капкан. Я сказал ей, что она следующая. Она только рассмеялась.

– То есть вы уверены, что она не имеет отношения к покушению на вас?

– Не ее стиль, – поморщился Хикати. – Начинить живых собак взрывчаткой... нет. Она психологический палач, а не физический. Знали бы вы, какое отвращение она питает ко всему физиологическому! Я не понимаю, как она сумела родить восьмерых. Она хвасталась тем, что за всю жизнь ни разу не прикоснулась к мужским яичкам. Она даже никогда не купала своих детей сама.

– Но ей не требовалось самой убивать вас. Достаточно приказать другим – низшим исполнителям, – сказала Вера.

– Нет, – Хикати устало покачал головой. – Нет. Понимаете, она могла позвонить моей матери и убедить ее убить меня. Раз плюнуть. Кроме того, это Леони Хоффманн. Она всегда использует только самые надежные и эффективные средства. Расставлять капкан в виде собак? А где гарантия, что я

непременно погибну? Нет такой гарантии.

Он зачем-то блаженно улыбнулся, и в этот миг я поняла секрет его притягательности. Он сумасшедший. И его все равно убьют.

Потому что он, при всем своем жизнелюбии, очень хочет умереть.

Он смог пережить все удары судьбы, смог примириться со всей несправедливостью по отношению к себе – нелепая внешность, глупая мать, – но не смог перенести испытание любовью. Красивая, но бессердечная Леони Хоффманн победила его. Он никогда не поверит, что эта женщина не способна любить хоть кого-то. Хоть даже себя.

И он умрет, как только ее не станет.

Я переглянулась с Верой – она думала о том же самом, с грустью глядя на удалого ловеласа, который в действительности не был ни удалым, ни ловеласом.

Жаль. Очень жаль. Жаль, что я разведчик, а не Спаситель.

Я ничего не могу сделать для него. Наверное, я вообще ни для кого ничего не могу сделать. Я даже Августа не сумела спасти по-человечески. Да, он жив. Но радуется ли он своей жизни?

– Лоренс, вы знакомы с кем-либо из сектантов здесь, в Шотландии? – спросила Вера.

– Нет. Поймите, я же теоретик. Мой круг общения в Мюнхене состоял буквально из нескольких человек за пределами семьи. Я говорю о сектантах, разумеется, так-то людей было

больше. Я же сказал, мне не удалось внедриться. И виной тому, – он хихикнул, – ревность Леони. Она почему-то очень боялась, что я променяю ее на другую женщину. Или мужчину.

– В руководстве секты есть мужчины? – спросила я. – Как я слышала, Орден Евы – женская организация.

– Есть, и много. Пожалуй, что и побольше, чем женщин. Это я даже не рассматриваю Орден Адама. Но я их не видел. Поэтому, боюсь, в собственно расследовании помочь не могу. Впрочем, вы ведь можете запросить мое досье из архива. Когда я переехал в Шотландию, то дал показания. Но там, объективно, ничего серьезного. Увы, я действительно могу помочь вам лишь как консультант.

– Сколько времени вам нужно, чтобы определить, состоит ли человек в секте?

– Несколько секунд. Разговаривать не обязательно. Достаточно посмотреть, как человек движется. Видите ли, в секте практикуются обязательные занятия спортом, точнее, это что-то вроде танцев, хотя они называют это йогой. Пластика и моторика меняются уже через несколько месяцев.

– Вы что-нибудь слышали о заграничных связях секты? Хикати пожал плечами:

– Она везде. Есть центры и в Эльдорадо, и в Куашнаре, и даже в Шанхае. Хотя в Шанхае специфика. По этому направлению работала группа, глубоко засекреченная, и все,

что мне о ней известно, — китайцы ее вычислили и уничтожили. Насчет Куашнары ничего не знаю вообще, а насчет Эльдорадо — там центр на базе Университета Мехико. Разумеется, философский факультет.

Так-так. Именно там учился Энрике Вальдес.

— Ваши знакомые сектанты не хвастались, случайно, что завербовали крупного политика или чиновника в Эльдорадо или в Куашнаре?

— Хвастались. Еще как! Их послушать, так вся эльдорадская хунта и весь куашнарский госаппарат — под сектой. Но я не верю. Видите ли, есть несколько уровней вербовки. Вот так, как работает Леони, — поступают только на Земле и в крупных колониях. Ну и значимых людей так берут. Это самый надежный способ. Но он требует большого числа подготовленных специалистов. А где их взять? Поэтому вербуют другими способами. Иногда даже шантажом. Со скокить с такого крючка проще простого. Поэтому я не верю в надежность сетей дальше четвертого радиуса. Там много простонародья, живущего в общинах, но эти общины никакой роли не играют. Пушечное мясо при необходимости, не более того. В руководстве секты нет ни одного выходца из общины. Социальные лифты в секте работают только до определенного этажа. А дальше — стоп. Если кто-то и набирает достаточный авторитет, от него избавляются. И чаще всего — руками федеральных властей.

— Вы утверждаете, что руководство сектой идет с Земли?

– Естественно. Я полагаю, что главари – респектабельные люди, скорей всего опытные политики, может быть, на уровне сенаторов. Нас ждут большие неприятности. Вопрос лишь в том, какие у заговорщиков намерения – собираются они ломать нынешнюю систему до основания или что-то останется... А уж война будет, это к гадалке не ходи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.